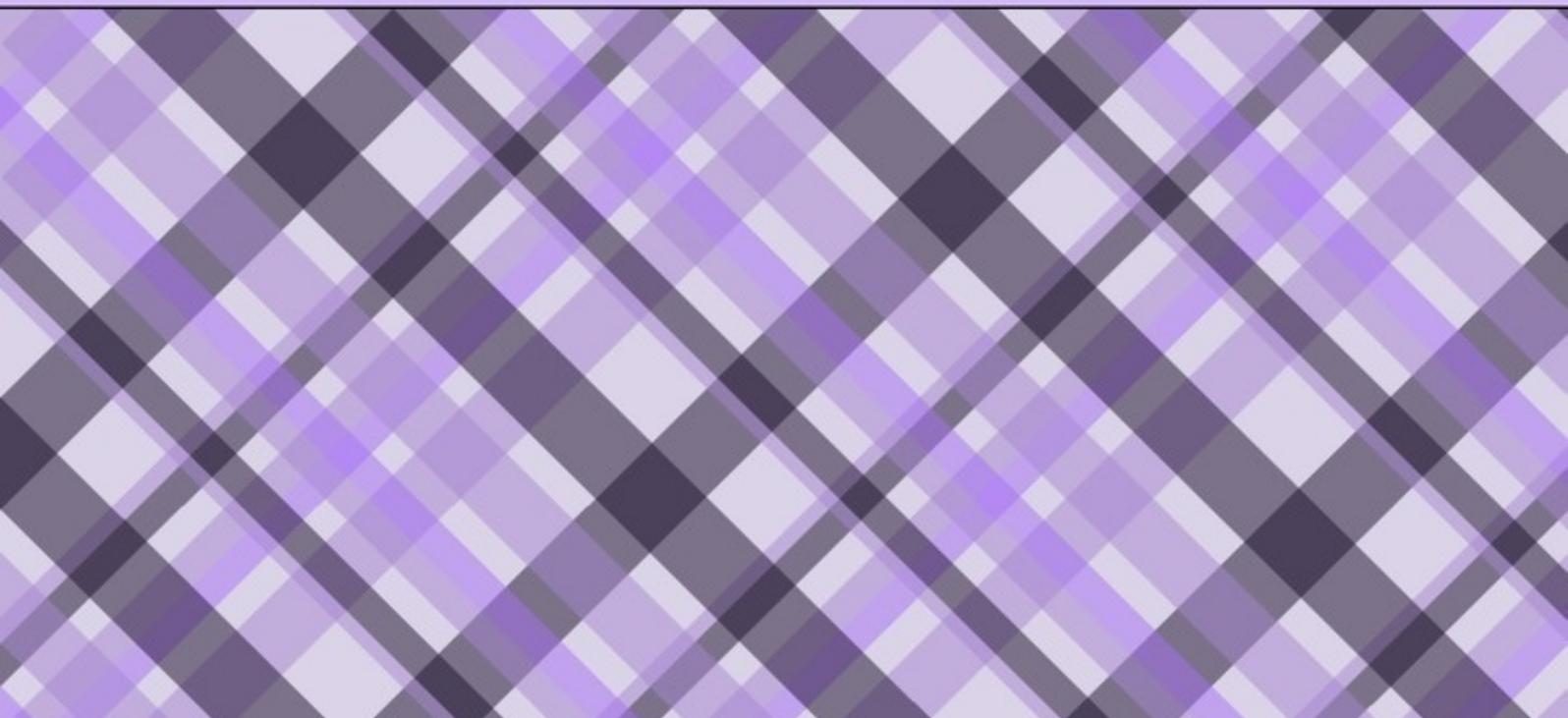

Светлана Бестужева-Лада

*История
России
в лицах*

Книга первая

Светлана Бестужева-Лада

**История России
в лицах. Книга первая**

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

История России в лицах. Книга первая / С. И. Бестужева-Лада —
«Издательские решения»,

Книга содержит серию исторических миниатюр о знаковых фигурах России.
Может быть рекомендована в качестве внеклассного чтения по истории
в старших классах средней школы или колледжах.

Содержание

Святая из Пскова	6
Королева Анна Русская	16
Принцесса из Альбиона в Киевской Руси	24
Мать слепого князя	32
Кремлевская деспина	39
Прекрасная литвинка	48
Любимые жертвы	57
Царевна Ксения или вдовствующая невеста	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

История России в лицах. Книга первая

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Святая из Пскова

– *Благослови, матушка, в поход...*

Широкоплечий, могучий воин, сняв шлем, преклонил колени перед ее ложем.

Княгиня устало опустила веки:

– *Видишь – я больна... Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь, – отправляйся куда захочешь, благословляю тебя на подвиги ратные...*

Князь Святослав не мог не исполнить последнюю волю умирающей. А она лежала в своей светлице, слушала звонкие голоса внуков, игравших во дворе, и вспоминала... Всю свою жизнь вспоминала, с того самого дня, как плыла она на лодке по реке Великой и встретила на берегу своего суженного. Молодой князь Игорь охотился в тех местах и отбился от своей свиты...

– Кто ты? – ошеломленно спросил Игорь, глядя на «лодочника».

Еще не отошедший после многочасовой гонки за оленем, он сначала обрадовался тому, что так внезапно появилась на реке эта лодка, и теперь можно было переправиться на другой берег и продолжить охоту. Но потом глянул на того, кто держал весла – и все забыл. Перед ним была девушка, почти девочка, удивительной, неповторимой красоты. Светлоглазая, светловолосая, стройная – истинная богиня Лада.

– Кто ты? – повторил свой вопрос Игорь. – Как звать тебя?

– Зачем тебе имя мое?

Голос был негромкий, но звучный, точно журчание речных струй.

– Люба ты мне, – выдохнул Игорь. – Будешь моею! Вот только к берегу пристанем...

– К лицу ли тебе, князь, девицу силой к греху склонять? Ведь мне после этого не жить...

Она произнесла это так просто, без малейшего страха или даже робости, что Игорь враз опамятовался.

– Тогда сватов пришлю. Скажи только, кто ты.

– Люди Ольгой зовут.

– А родичи твои кто?

– Изборские князья, – усмехнулась девушка.

Совершенно потрясенный, Игорь так и не вымолвил больше ни слова, пока лодка не пристала к берегу.

– Ну, прощай, князь, – сказала Ольга, вновь берясь за весла. – Доброй тебе охоты.

Через месяц к родичам Ольги пожаловали сваты от самого князя киевского. Игорь сдержал слово: он не мог забыть бесстрашную красавицу, «дивную в девицах и разумом светлую» Ольгу. И вскоре сыграли свадьбу. Юная псковитянка стада великой княгиней киевской.

Молодые зажили в любви и согласии, только вот детей у них долго не было. Ольга втихомолку и к ворожеям обращалась, и волхвов просила за нее перед богами заступиться – ничего не помогало. Время шло, княгиня становилась уже немолодой женщиной. И когда почти потеряла надежду, появился в Киеве странный человек в черных одеждах. Назвался Григорием, смиренным иноком. Говорил слова чудные о едином Боге, пострадавшем за грехи людские, и о том, что уверовавшие в него, обретут вечную жизнь и блаженство.

Ольга слушала – и не знала: верить тому или не верить. Но тем, кто поверил иноку и отринул прежних богов, приняв крещение, дозволила иметь в Киеве свой храм и никаких притеснений им не чинили. А через какое-то время после возведения храма поняла, что зачреватела, наконец. Через двадцать с лишним лет после свадьбы! В такие-то годы уже внуков нянчат...

Она не сказала мужу: боялась сглазить нечаянную радость. Да и Игорь готовился к новому военному походу – на греков. Вернулся со славой и богатой добычей, а дома его ждала любимая жена и... новорожденный сын, которого отец нарек Святославом. Только шептались

в Киеве, что слишком уж младенец похож не на князя-отца, а на ближнего боярина Игоря, воеводу Свенельда. Шептаться-то шептались, только свечку никто не держал. Но вскоре Игорь пресек зловредные слухи, назначив Свенельда наместником в углических землях. С тех пор воевода бывал в Киеве только изредка.

Мирно протекли три года. Сын подрастал, Ольга успокоилась, только самые ближние ее боярыни видели иногда, как смотрит княгиня в окошко, словно поджидает кого-то. Слышали, как вздыхает иногда ночью, ворочаясь без сна на пышной постели. Но на людях Ольга всегда была приветлива, величава, равна со всеми и мужу покорна. А что вздыхает – так то доля такая, женская, счастья чуть, а печалей – немерено.

Князь Игорь дома бывал наездами: то за данью отъедет, то в поход уйдет. И все чаще мыслями Ольга бывала в скромной церкви христиан, число которых в Киеве множилось из года в год. Судилось ей, что, отрекись она от богов предков, прими новую веру – и начнется у нее совсем другая жизнь. Но скоро стало ей не до этих мыслей.

Игорь отправился за очередной данью к древлянам. Но уже на обратном пути его дружина начала роптать: мало – де взяли на сей раз, дружины других воевод в богатых доспехах щеголяют, кладовые у них от запасов ломаются, а княжки воины – точно нищие среди них. На беду свою Игорь послушал дружинников: большую часть с уже взятой добычей отправил в Киев, а с меньшей частью вернулся в Искоростень, чтобы потребовать у древлян еще дани. Те же рассудили по-своему:

– Повалился волк в овчарню, так и будет ходить, пока всех овец до единой не перережет. Так и этот: если не изведем его, сами погибнем.

Игоря и горстку его дружинников убили ночью в лесу, там же закопали и их тела. Только одного оставили в живых, чтобы сообщил киевлянам страшную новость. А сами стали думать, как избежать мести за содеянное, ибо понимали, что не простит Киев убийства своего князя, а со всей киевской дружиной воевать – это не десяток воинов во сне зарезать. Одна надежда была: Святослав, наследник и теперь князь Киевский еще мал, четырех годочков не исполнилось, а мать его, княгиня Ольга – всего лишь женщина, хоть и слывет мудрейшей государыней.

Древляне думали, как избежать мести за убийство Игоря, а Ольга оплакивала погибшего мужа. Без слез оплакивала, чувствуя, как печаль вытесняется из ее сердца жгучей, непереносимой ненавистью. Игоря убили – и зарыли в лесу, как разбойника, как тать, словно падаль какую. И не гореть погребальному костру – ладье, на которой душа храброго воина отправится в Валгаллу, чтобы возродиться там для новой жизни. Не будет там у него ни оружия, ни любимого коня, ни доспехов, ни утвари богатой, ни припасов, ни рабов, ни наложниц – всего того, что полагается забрать с собой знатному викингу.

И любимая жена не сможет взойти на погребальную ладью, чтобы последовать за мужем. Хотя... Вряд ли бы Ольга решилась на такой поступок, ведь сын был еще слишком мал, чтобы остаться одному. Она должна была остаться при Святославе в Киеве, как говорили в старину, *материю вдовой*, матерью наследника престола, сидеть на вдовьем стольце, управлять своими землями. Но прежде всего она должна была отомстить за убитого мужа: старинный обычай требовал крови за кровь. И Ольга отомстила...

– Княгиня-матушка, ладья пристала! Под самым Боричевым подъемом!

Ближняя боярыня запыхалась, поднимаясь по крутой лестнице в светлицу к княгине, в глазах у нее застыл ужас, смешанный с изумлением.

– Мало ли лодий пристает... – недоуменно приподняла брови Ольга.

– Так ведь древляне приплыли...

– Кто-о-о?!?!

Не веря ушам своим, Ольга оглянулась на сидевшего в светлице Асмуда, пестуна юного князя Святослава, и Свенельда, который после гибели Игоря вернулся в Киев и стал правой

рукой княгини. Но и на их лицах было лишь непомерное изумление: такой наглости от убийц Игоря никто не ожидал.

– Прикажи, государыня, они и трех шагов по земле не пройдут, – опомнился, наконец, Асмуд.

– Сначала в темницу посадим, – хмуро подал голос Свенельд, – а там уж...

Но Ольга уже взяла себя в руки и на ее лице даже появилось какое-то подобие улыбки. Впрочем, от этого подобия у обоих опытных и бесстрашных воинов мурашки по телу принимали.

– Не нужно, – спокойно сказала Ольга. – Дорогим гостям всегда рада, даже если незваными являются. Пусть приходят невозбранно ко мне на двор. Наверное, не просто так приехали, может быть, расскажут что-нибудь диковинное.

И древлянским послам позволили проехать по киевским улицам, которые поразили этих лесных жителей своим великолепием. А уж от княжеского каменного терема, да от позолоченных и посеребренных идолов, стоявших подле него, гости и вовсе пришли в великое смятение. Такой пышности, такой роскоши они и во сне никогда не видели.

А в главном покое терема их поджидала прекрасная, величавая женщина, сидевшая на резном деревянном кресле искусной работы. Даже вдовьи одежды не могли затмить прославленной красоты княгини Ольги.

– С чем пожаловали? – приветствовала она онемевших послов.

За ее спиной переглядывались Асмуд и Свенельд, уже посвященные княгиней в тайный замысел и весьма им довольные.

– Приехали сватать тебя, госпожа, – промолвил, наконец, старший из послов. – Мужа твоего не вернешь, нашему князю Малу такая супруга, как ты, под стать будет.

Мгновенно сверкнувшую молнию ярости в глазах княгини послы не заметили, так быстро опустила она долу глаза, якобы смущенная неожиданным предложением.

– Мужа твоего мы убили, – продолжал осмелевший посол, полагавший, что княгиня ошеломлена неожиданной честью, – ибо муж твой, будто волк, расхищал и грабил. А наш князь – хороший, пойдешь замуж за князя нашего, за Мала.

– Любезна мне речь ваша, – произнесла, наконец, княгиня. – И то правда, что мужа мне не воскресить, так не век же вдовою безутешной слезы проливать... Только вы меня почтили и я вам честь оказать хочу, чтобы видели все мои люди, как я отношусь к древлянам и к их лучшим людям. Завтра утром пришлю за вами особых посланцев, станут они звать вас ко мне на пир, а вы не идите, упирайтесь, говорите так: «Не поедем на конях, и пеши не пойдем, понесите нас в ладье нашей на княгинин двор». Вас и принесут, а сейчас идите...

Древляне, вне себя от оказанного им приема, довольные и важные, вернулись на ладью – ждать завтрашнего утра. Ольга долго смотрела им вслед, а потом оборотилась к советникам своим:

– Велите копать на теремном дворе яму. Да поглубже. И чтобы никто об этом не знал, кроме нас с вами.

– Что ты задумала, матушка? – изумился Асмуд, который не отличался стремительностью и изворотливостью ума. – То древлян в ладье на двор нести, то яму там копать...

Лицо же Свенельда вдруг просветлело и он хитро ухмыльнулся в усы:

– Для того, боярин и яму копать станем, чтобы сватов особо почтить.

Ольга одарила его долгим, благодарным взглядом. Впрочем, они давно уже понимали друг друга с полуслова, а кое-кто намекал, что словами и не ограничиваются. Но если и посещал воевода опочивальню вдовы-княгини, то досконально никто о том не ведал, да и болтать лишнее охотников не находилось: Свенельд был на расправу крут и скор, а княгиня... Одним богам было ведомо, что могла измыслить эта необыкновенная женщина.

Всю ночь рыли на теремном дворе огромную яму, а наутро Ольгины посланцы с нижайшими поклонами явились на берег, к ладье древлян:

– Зовет вас княгиня к себе для чести великой.

Древлянские послы, раздувшись от гордости и спеси, ответили, как им велела Ольга:

– Не едем ни на конях, ни на возах, ни пеши не идем! Несите нас в ладье к будущей жене князя нашего Мала!

Княгинины люди притворно закручинились и застенали:

– Охти нам, подневольным! Господин наш убит, а княгиня хочет идти за вашего князя! Будь же по – вашему.

И без того умом недалекие, напроочь забыли древляне варяжский обычай: умерших друзей и соратников в последний путь несли на плечах в ладье. И «поплыли» послы навстречу своей судьбе, не поняв даже, что несут их не к парадному крыльцу терема, а куда-то в сторону. И опомниться не успели, как полетели вместе с ладьей в глубочайшую яму, переломав себе при падении все, что можно.

Тогда на краю ямы появилась Ольга во вдовьем платье и, чуть склонившись, спросила:

– Довольны ли вы честью?

– Ох, – донесся стон из ямы, – пуще нам Игоревой смерти.

– Закапывайте, – велела княгиня и сама бросила вниз первую горсть земли.

Так и зарыли неудачливых сватов живьем.

– Довольна ли ты, матушка? – хмуро осведомился Асмуд, которому поединок с врагом в чистом поле был куда больше по душе, чем такая изошренная месть.

– Нет, – отрезала княгиня. – Это только начало. А теперь посылайте гонцов в Искоростень, к князю Малу. Пусть сообщат ему, что киевский народ мало чести увидел для своей княгини в столь малом посольстве сватов. Пусть присылают самых именитых, самых богатых, самых отважных – лучших. Тогда и сватовство заладится.

И снова усмехнулся Свенельд. Он-то знал: ладья – это только первый этап. Ольге нужен был еще погребальный костер, и он не сомневался, что она своего добьется. Засомневался он только в одном: а знал ли он вообще всю глубину ума и меру жестокости женщины, ближе которой у него не было в целом свете?

Древляне ничего не заподозрили. Их не встревожило отсутствие вестей от первого посольства: загулялись люди в хлебосольном Киеве, вкушают почести, воздаваемые им княгиней и ее дружиной. Собрали новое посольство – лучших людей, как и желала княгиня, – и отправили его в Киев.

И снова красная горница в княжеском тереме. И снова улыбчивая и приветливая Ольга предлагает дорогим гостям... обмыться в бане, дабы чистыми явиться на великий пир. Сваты согласились, начисто забыв о том, что у всех народов издревле существовал обычай обмыться перед решающей битвой и, если придется, чистому встретить смерть. А уж обмывать покойников перед погребением...

В бане их и заперли надежно, а потом подожгли с четырех углов. Заживо сгорели ново-явленные сваты, цвет земли Древлянской, славный погребальный костер получился в память князя Игоря. Только... и этого Ольге было мало. Уже ни с кем не советуясь, она отправила гонца к самому князю Малу, чтобы возвестить ему:

– Вот иду сама к тебе, дабы стать твоей супругой. Но повели справить у стен города погребальную тризну по мужу моему покойному. Пусть это будет знаком примирения между нами.

И не обманула: выехала вслед за гонцом с небольшой дружиной в Искоростень. Возглавлял дружину Свенельд, который и ответил древлянам на вопрос, где же два посольства сватов?

– А следом идут, – спокойно молвил он. – Вместе с Игоревой дружиной.

Древлянам бы сообразить, что дружина Игоря давно ими же и перебита, что не могут живые люди сопутствовать мертвым. Нет, не поняли. Явились на поминальную тризну неподалеку от Искоростеня. Только князь Мал не вышел: решил, что много чести будет оплакивать убитого врага. На какое-то время он этим отсрочил свой смертный час, но ненадолго.

Над могилой Игоря под стенами Искоростеня Ольга повелела насыпать высокий бугор – донныне видимый, как уверяют, близ сего места – оросила его слезами и... Началось веселое пиршество. Меды древляне наварили отменно-крепкие, а дружинники княгини лишь подливали его в чарки хозяев. Наконец, Ольга подала Свенельду чуть заметный знак, ей подали коня и она с малой частью отряда отъехала прочь от города. Оставшиеся же воины выхватили мечи и истребили всех пришедших на тризну древлян – едва ли не пять тысяч человек полегло на месте. Вся земля вокруг погребального холма пропиталась кровью.

Но и этого княгине было мало, чтобы утолить свою жажду мести. Вернувшись в Киев, она собрала многочисленное войско и вновь выступила походом на Искоростень против жестоко наказанных, но еще не покоренных древлян. Только тут понял князь Мал всю опасность положения. Но, помня, как легко одержал верх над князем Игорем и его дружиной, вывел свое войско против киевлян. И тут окончательно успокоился и даже развеселился: во главе киевской дружины находился... четырехлетний князь Святослав. Он сидел на коне в полном воинском облачении с крохотным копьём в руках.

Когда же Святослав метнул это копьё и оно вонзилось в землю у самых ног его коня, хохотало уже все древлянское войско. Но не зря же говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Свенельд поднялся на стременах и гаркнул:

– Князь уже начал, последуем, дружина, за князем!

Не прошло и часа, как большая часть древлян оказалась либо убитой, либо тяжело раненой, а оставшиеся спаслись бегством в Искоростень и укрылись за его высокими стенами. Не раз и не два впоследствии позавидовали они тем, кто пал на поле брани. Но человеку, к счастью, не дано предвидеть свою судьбу.

Все лето киевская дружина осаждала Искоростень. Наконец, Ольга послала к осажденным гонца с грамотой, в которой говорилось:

«Все города и поселения ваши уже покорились Киеву и платят ему дань исправно. Одни вы упорствуете, хотя припасы ваши заканчиваются и силы на исходе. Сдавайтесь, заплатите мне малую дань, и я уйду с миром».

Древляне и рады бы были поверить в такую удачу, только дань им платить уже было нечем. Но киевская княгиня, столь жестокая в своей мести, оказалась вдруг очень милосердной:

– Дайте мне с каждого двора по три голубя и по три воробья. Я не желаю возлагать на вас тяжкой дани, как муж мой, потому и прошу мало. Дайте мне мало – и я уйду.

Только изощренный ум мог бы понять: княгиня требует только... князя Мала, больше ей от древлян уже ничего не нужно. Но такого умника среди осажденных не нашлось. Они собрали требуемое Ольгой и послали ей с поклоном. Она ответила:

– Вот и покорились вы мне, и дань принесли. Ступайте же в свой город, а я завтра вернусь в Киев.

Древляне с радостью исполнили ее требование и, возвратясь в город, ждали с нетерпением, чтобы киевское войско удалилось. Но с наступлением темноты город запылал, охваченный огнем, который загорался, казалось, повсюду. Это Ольга повелела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе.

Те жители, которые хотели спастись бегством из горящего города, попали в плен, а княгиня, приговорив некоторых старейшин к смерти, велела продать остальных в рабство, а немногих оставшихся в городе обложила новой тяжкою данью. И только тогда пресытилась

местью убийцам своего мужа. Затем в сопровождении дружины вместе с малолетним сыном объехала все Древлянские земли, устанавливая налоги в пользу государственной казны.

Несмотря на страшное начало своего владычества над древлянами, Ольга впоследствии прославилась среди них благодеяниями мудрого правления. По крайней мере, все ее ночлеги и места, где она, следуя тогдашним обычаям, забавлялась ловлею зверей – долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства.

Князь Святослав рос и мужал. Когда же пришла пора подыскивать ему невесту, Ольга выбрала княжну из далекого западного племени угров (нынешняя территория Венгрии), а сама удалилась из Киева в Вышегород, находившийся в семи верстах от стольного града. Что, впрочем, не мешало ей активно вмешиваться как в государственные дела, так и в личную жизнь своего сына.

Летопись так повествует о тех временах:

«И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна. Своими же людьми любима, как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидящий, налагающий наказание с милосердием, и награждающий добрых; она внушала всем злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков, но всех делах управления она обладала дальновидностью и мудростью. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца скоро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла... Со всем этим Ольга соединяла воздержанную и целомудренную жизнь, она не хотела выходить вторично замуж, но пребывала в чистом вдовстве, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть».

С некоторых пор Ольга действительно пребывала в «чистом вдовстве»: любимый Свенельд утонул, переправляясь через реку во время одной из поездок по княжеству. Ольга оплакивала его тайно, а к себе все чаще призывала того самого инока Григория, которому в свое время позволила построить первый в Киеве православный храм. И размышляла о чем-то – часами, сутками, иной раз до зари просиживая над непонятными, толстыми фолиантами...

Угрская княжна, христианка Мария, родила Святославу двух сыновей – Ярополка и Олега. Святослав не позволил крестить своих сыновей, хотя Ольга уже колебалась. Ходили слухи, что она и сама тайно приняла христианство. Пока только слухи. Княгиня жила тихо, пестовала внуков, ладила со снохой и... почти не видела сына: окончательно возмужав, Святослав все больше времени проводил в военных походах, бывая в Киеве лишь наездами. Так что бразды правления все равно оставались фактически в руках его матери: молодая княгиня в государственных делах ничего не смыслила, да и крепким здоровьем не отличалась.

Была у Ольги еще одна забота: до заключения законного брака Святослав взял в наложницы рабыню – ключницу Малушу, девицу редкой красоты. Малуша и родила первого внука Ольге – Владимира. Печальная ирония судьбы заключалась в том, что Малуша была дочерью того самого древлянского князя Мала, который безуспешно сватался к Ольге. Жениться на Малуше Святослав не мог, но впоследствии сделал своего внебрачного сына новгородским князем.

А еще позже Владимир стал киевским князем, а затем – тем самым человеком, который крестил Русь. И пока Ольга была жива, оставался ее любимым внуком, которого следовало защищать и от сводных братьев – законных наследников Киевского стола, и от бояр, презиравших «робича», то есть дитя рабыни. За детские обиды Владимир потом расквитался с боярами, круто взяв бразды правления в свои руки и ограничив боярскую вольницу. Но это – совсем другая история.

Ольга старела, хотя старела красиво. И к пятидесяти с лишним годам поняла: нужно ехать за истинной верой к ее первоисточникам – в Константинополь (по-русски Царьград).

Как мудрая правительница, видела она на примере Византийской империи, что недостаточно забот о государственной и хозяйственной жизни. Необходимо было заняться устройством религиозной, духовной жизни народа.

Сделав свой выбор, великая княгиня Ольга, поручив на время Киев сыну, отправилась с большим флотом в Константинополь. Древнерусские летописцы назовут это деяние Ольги «хождением», ибо оно соединяло в себе и религиозное паломничество, и дипломатическую миссию, и демонстрацию военного могущества Руси.

«Ольга захотела сама сходить к грекам, чтобы своими глазами посмотреть на службу христианскую и вполне убедиться в их учении об истинном Боге», – повествует житии святой Ольги.

С большой пышностью прибыла Ольга в Константинополь и была с великим почетом принята императором, двором и патриархом, который и крестил русскую княгиню, сопроводив это таинство пророческими словами:

«Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Прославлять тебя будут сыны русские до последнего рода!»

При крещении русская княгиня удостоилась имени святой равноапостольной Елены, много потрудившейся в распространении христианства в огромной Римской империи и обретшей Животворящий Крест, на котором был распят Господь. Подобно своей небесной покровительнице, Ольга стала равноапостольной проповедницей христианства на необъятных просторах земли Русской.

Восприемником Ольги от купели, ее крестным отцом стал сам император – Константин Багрянородный. Император старался достойным принять свою крестную дочь и сам позднее описал все подробности приемов. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли особы Княжеские, многие знатные госпожи, послы Российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встретили Ольгу, после чего император приватно беседовал с нею в покоях императрицы. В один из дней был устроен великолепный обед в парадном покое дворца. Во время обеда играла музыка, певцы славляли величие Императорского дома и его знатную гостью.

Послы Российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом византийцы дарили русских гостей деньгами. Сама Ольга получила 200 миллиаризий, а другие менее по соразмерности.

К этим вполне достоверным известиям о пребывании Ольги в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что Император, плененный ее разумом и красотой, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга отвергла его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону Христианскому, служил препятствием для союза брачного между ими. Но это, повторюсь, не более, чем красивая легенда. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, да, но красотой...

В Киев Ольга вернулась с иконами, богослужебными книгами – началось ее апостольское служение. Она воздвигла храм во имя святителя Николая над могилой Аскольда – первого Киевского князя-христианина, и многих киевлян обратила ко Христу. С проповедью веры отправилась княгиня на север. В Киевских и Псковских землях, в отдаленных весях, на перекрестках дорог воздвигала кресты, уничтожая языческие идолы.

Святая Ольга положила начало особенного почитания на Руси Пресвятой Троицы. Из века в век передавалось повествование о видении, бывшем ей около реки Великой, неподалеку от родного села. Она увидела, что с востока сходят с неба «три пресветлых луча». Обращаясь к своим спутникам, бывшим свидетелями видения, Ольга сказала пророчески:

– Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на этом месте будет церковь во имя Пресвятой и Животворящей Троицы и будет здесь великий и славный град, изобилующий всем.

На этом месте Ольга воздвигла крест и основала храм во имя Святой Троицы. Он стал главным собором Пскова – славного града русского, именовавшегося с тех пор «Домом Святой Троицы». Тайнственными путями духовного преемства через четыре столетия это почитание передано было преподобному Сергию Радонежскому.

11 мая 960 года в Киеве освятили храм Святой Софии – Премудрости Божией. Этот день отмечается в Русской Церкви как особый праздник. Главной святыней храма стал крест, полученный Ольгой при крещении в Константинополе. Храм, построенный Ольгой, сгорел в 1017 году, и на его место Ярослав Мудрый воздвиг церковь святой великомученицы Ирины, а святыни Софийского Ольгина храма перенес в донныне стоящий каменный храм Святой Софии Киевской, заложенный в 1017 году и освященный около 1030 года.

Апостольские труды княгини встречали тайное и открытое сопротивление язычников. Среди бояр и дружинников в Киеве нашлось немало людей, которые, по словам летописцев «возненавидели Премудрость», как и святую Ольгу, строившую храмы. Ревнители языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подрастающего Святослава, решительно отклонившего уговоры матери принять христианство.

«Повесть временных лет» так повествует об этом:

«Жила Ольга с сыном своим Святославом, и уговаривала его мать креститься, но пренебрегал он этим и уши затыкал; однако если кто хотел креститься, не возбранял тому, ни издевался над ним... Ольга часто говорила: „Сын мой, я познала Бога и радуюсь; вот и ты, если познаешь, тоже начнешь радоваться“. Он же, не слушая сего, говорил: „Как я могу захотеть один веру переменить? Мои дружинники этому смеяться будут!“ Она же говорила ему: „Если ты крестишься, все так же сделают“. Он же, не слушая матери, жил по языческим обычаям, не зная, что если кто матери не слушает, попадет в беду, как сказано: „Если кто отца или мать, не слушает, то смерть примет“. Он же к тому еще и сердился на мать... Но Ольга любила своего сына Святослава, когда говорила: „Да будет воля Божия. Если Бог захочет помиловать потомков моих и землю русскую, да повелит их сердцам обратиться к Богу, как это было мне даровано“. И говоря так, молилась за сына и за людей его все дни и ночи, заботясь о своем сыне».

Много скорбей пришлось пережить святой Ольге в конце жизни. Сын окончательно переселился в Переяславец на Дунае. Пребывая в Киеве, она учила своих внуков, детей Святослава, христианской вере, но не решалась крестить их, опасаясь гнева сына. Кроме того, он препятствовал ее попыткам утверждения христианства на Руси. Последние годы, среди торжества язычества, ей, когда-то всеми почитаемой владычице державы, крестившейся от Вселенского патриарха в столице Православия, приходилось тайно держать при себе священника, чтобы не вызвать новой вспышки антихристианских настроений.

В 968 г. Киев осадили печенеги. Святая княгиня с внуками, среди которых был и князь Владимир, оказались в смертельной опасности. Супруга Святослава к тому времени уже скончалась. Когда весть об осаде достигла Святослава, он поспешил на помощь, и печенеги были обращены в бегство.

Но едва лишь опасность миновала, Святослав снова собрался в очередной поход. Ольга, будучи уже тяжело больной, просила сына не уезжать до ее кончины. Она не теряла надежды обратить сердце сына к Богу и на смертном одре не прекращала проповеди:

– Зачем оставляешь меня, сын мой, и куда ты идешь? Ища чужого, кому поручаешь свое? Ведь дети Твои еще малы, а я уже стара, да и больна, – я ожидаю скорой кончины – отшествия к возлюбленному Христу, в которого я верую; я теперь ни о чем не беспокоюсь, как только о тебе: сожалею о том, что хотя я и много учила и убеждала оставить идольское нечестие, уверовать в истинного Бога, познанного мною, а ты пренебрегаешь этим, и знаю я, что за твое непослушание ко мне тебя ждет на земле худой конец, и по смерти – вечная мука, уготованная язычникам.

– Мечта любого воина – умереть в бою, матушка. Благослови же в поход, мои люди алчут новой добычи и новых побед.

Ольга тяжело вздохнула и положила руку на грудь. Господи, дай сил удержать его подле себя хоть бы на время! Не допусти временной разлуки, пока не настала вечная!

– Сын мой, заклинаю тебя! Исполни хоть эту мою последнюю просьбу: не уходи никуда, пока я не преставлюсь и не буду погребена; тогда иди, куда хочешь. По моей кончине не делай ничего, что требует в таких случаях языческий обычай; но пусть меня погребут по обычаю христианскому. Не сжигайте тело мое, не смейте насыпать надо мною могильного холма и делать тризны.

– Но, матушка...

– ... пошли в Царьград золото к святейшему патриарху, чтобы он совершил молитву и приношение Богу за мою душу и раздал нищим милостыню.

На глазах Святослава едва ли не впервые в жизни появились слезы. Желю хоронил – не плакал, сколько соратников проводил в последний путь – только губы закусывал, да злее в битвах становился. А тут... Ровно чья-то рука мягко легла на чело и смягчила жесткую душу прирожденного воина. И Ольга это почувствовала.

– Если бы ты принял истинную веру... – прошептала она.

Слезы миготом высохли на глазах Святослава и он выпрямился во весь рост:

– Не проси о невозможном, матушка.

– Сердцем чую, быть беде... Берегись не врагов, а тех, кто друзьями прикидывается. Поклянись мне всякую зиму проводить в Киеве, за его стенами...

– Перуном клянусь, матушка!

Святослав не сдержал своей клятвы. И немудрено: он не унаследовал от своей матери ни ее дипломатических талантов, ни государственной мудрости, а был, прежде всего, воином. Ночевал не в шатре, а на конской попоне, с седлом в головах. В походах не возил он с собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или говядину, или же мясо диких зверей, жарил на углях и так ел. Столь же выносливыми и неприхотливыми были и его воины.

Зато дружина Святослава, необремененная обозами, передвигалась очень быстро и появлялась перед противником неожиданно, наводя на них страх. А сам Святослав не боялся своих противников. Когда выходил он в поход, то всегда посылал в чужие земли весть-предупреждение: «Хочу идти на вас».

Из своего последнего похода Святослав вместе с дружиной отправился на Русь по рекам в ладьях. Один из воевод предупредил князя:

– Обойди, князь, Днепровские пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги.

Но князь не послушал его. А византийцы известили кочевников-печенегов:

«Пойдут мимо вас русы, Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа».

И когда Святослав подошел к порогам, оказалось, что ему совершенно невозможно пройти. Тогда русский князь решил переждать и остался зимовать. Тут и напал на него вероломно печенежский князь Курей, убил и князя, и большую часть его дружины. Из черепа Святослава печенеги сделали окованную серебром чашу и пили из него на пирах.

Так сбылось еще одно пророчество Ольги. Но случилось это в 972 году, спустя три года после кончины княгини. А она почувствовала приближение смертного часа за много дней до того, как он наступил. Впала в крайнее изнеможение, причастилась, непрестанно молилась о просвещении по ее смерти земли Русской.

– Вижу, – шептала она иногда, – просветит Бог людей земли Русской и многие из них будут великие святые...

И это ее пророчество исполнилось. Святая равноапостольная Ольга стала духовной матерью русского народа, через нее началось его просвещение светом Христовой веры. Христиан-

ское имя святой Ольги – Елена (в переводе с древнегреческого «Факел»), стало выражением горения ее духа. Святая Ольга (Елена) приняла духовный огонь, который не угас во всей тысячелетней истории Христианской России.

После смерти матери князь Святослав разделил Русскую землю между своими сыновьями: Ярополк посадил княжить в Киеве, Олега послал в Древлянскую землю, а Владимира – в Новгород. Сам же поспешил в свои владения на Дунае.

Так закончилась жизнь одной из удивительнейших дочерей народа русского, первой настоящей Правительницы, первой истиной христианки, которая родилась язычницей, была жрицей языческого культа, вышла замуж за язычника и жила в языческом окружении. От свирепой воительницы – мстительницы за убитого супруга, она прошла долгий и трудный путь к смирению и долготерпению, разожгла огонек, вспыхнувший ярким светом при ее старшем и любимом внуке Владимире.

Память равноапостольной Ольги празднуется 24 июля, и почитается она как покровительница вдов и новообращённых христиан.

Королева Анна Русская

В некотором царстве, некотором государстве жили три красавицы-принцессы, дочери великого государя. Пришло время выдавать их замуж. Старшая вышла за короля венгерского, средняя – за короля норвежского, а младшая – за короля французского и правила она Францией после смерти своего супруга...

В это трудно поверить, но речь идет о русских княжнах, Анастасии, Елизавете и Анне, дочерях великого князя киевского Ярослава Мудрого. И было это в одиннадцатом веке, до проклятого татаро-монгольского нашествия. Русь считалась могучим государством и правители других стран искали с ней союза – военного или, еще лучше, брачного.

Про красоту города Киева по свету ходили легенды. В честь победы над печенегами князь Ярослав заложил великолепную церковь и назвал ее именем святой Софии. Расширил мощные киевские стены и воздвиг в них Золотые врата.

Башня Золотых ворот казалась огромной, и, чтобы еще более усилить впечатление величия и в то же время легкости, ее несколько сузили кверху, так что построенная на высоком забрале церковь уже как бы висела в воздухе, витала в облаках, медленно проплывавших по небу.

Башня была из розового кирпича, церковь сияла на солнце белизной стен, на куполе блистал золотой архангел. Дубовые створки ворот, были обиты листами позолоченной меди, ярко горевшей на солнце.

Через эти ворота въезжали в Киев заморские гости. И были единодушны в своем мнении: столица загадочной Руси превосходит красотой и пышностью едва ли не все европейские города, уступая, пожалуй, лишь Константинополю.

Построил великий князь еще монастырь святого Георгия и монастырь святой Ирины (в честь ангела своей супруги). Ярослав не жалел средств на церковное благолепие, приглашая для этого греческих мастеров. Не скупился он и на другие прославившие его правление дела.

По приказу Ярослава с греческого на славянский язык переводились книги – в основном, божественного содержания. Киев мог похвастаться одной из самых больших мировых библиотек того времени. Роспись храма святой Софии превосходила по своей красоте все, что где – либо мог увидеть человек. Киевские купцы щеголяли в шелках и бархатах, и не было на городском торгу ничего, что нельзя было бы купить за деньги.

Ярослава недаром прозвали Мудрым. Воевать он хоть и умел (иначе не стал бы великим князем), но не любил. Предпочитал читать и украшать Киев великолепными постройками. И женился не столько по любви, сколько по государственным соображениям – на шведской принцессе Ингигерде, принявшей в православии имя Ирины, которая родила ему шестерых сыновей и трех дочерей.

И сыновей своих Ярослав женил не на русских красавицах, а на иноземных принцессах. Старший – Владимир – на дочери графа Штаденского Леопольда – Оде. Илья – на дочери датского короля Маргарите, Георгий – на дочери маркграфа Саксонского Кунигунде, Дмитрий – на дочери польского короля Гертруде, Вячеслав – на византийской принцессе Марии, Святослав – на дочери маркграфа Австрийского Елене.

Вот уж воистину «все флаги в гости будут к нам»! Ни до, ни после Ярослава Владимировича такого «интернационала» в великокняжеских (да и царских, и императорских, если уж на то пошло) семьях не было. Но князю Ярославу и этого было мало. Дочерей он также хотел выдать замуж за великих государей, только никак не мог сыскать достойных такой чести.

И тут вмешался случай. Да не один раз, а дважды. При киевском дворе нашел убежище венгерский королевич Андрей. Убежище нашел, а сердце потерял: похитила его старшая

княжна, белокурая и смешливая Анастасия. Отец, князь Ярослав, любви их не препятствовал, поставил только одно условие: Андрей должен вернуть себе отцовский трон. Вот как станет королем Венгрии – милости просим, засылай сватов.

Андрею ничего не оставалось делать, как постараться выполнить условие будущего тестя. Трех лет не прошло, как стал он венгерским королем, и прекрасная Анастасия отправилась в славный город Буду, чтобы разделить мадьярский трон со своим избранником.

Средняя сестра, надменная Елизавета, которую киевляне за стройный стан прозвали Шелковинкой, ждала своего счастья еще дольше. В нее тоже влюбился бежавший из своей страны под защиту киевских дружин молодой королевич – норвежец Гарольд. И ему пришлось отправиться в дальний поход, чтобы мечом завоевать не только трон и богатство, но и сердце своей избранницы.

Легенды о норвежском герое ходили по всему миру, его называли Гарольдом Смелым, а сложенные им песни о высокомерной и холодной русской деве пели все трубадуры и менестрели Европы. Когда Гарольд стал норвежским королем, сердце Елизаветы дрогнуло. Красавица стала его женой и королевой. Вместе основали они город Осло, который ничем не напоминал тогда прекрасный и пышный Киев.

Оставалась младшая сестра – Анна. Ее руки попросил король Франции Генрих Первый, но... получил отказ. Киевский великий князь не увидел в этом союзе никакой выгоды для Руси. Королевство небольшое, вассалы в нем – непокорные, соседи – злейшие враги. Нет, Анна достойна лучшей доли.

Ярослав желал выдать свою любимицу за другого Генриха – германского императора. Но со сватовством ничего не вышло: германцы уже избрали другую невесту, Агнессу Аквитанскую, чтобы с помощью родовитых и влиятельных герцогов Аквитании укреплять влияние римской церкви в Европе. Русская княжна не представляла для них никакого интереса.

Но от судьбы не уйдешь. Узнав о том, что далекая русская красавица по-прежнему свободна, французский король вторично послал сватов. Сделал он это не потому, что безумно любил Анну, нет, он даже представления не имел, как она выглядит. А потому, что больше жениться ему было... не на ком.

Да-да, во всей Европе не было принцессы, которая могла бы стать супругой французского государя, потому что со всеми он был в дальнем или близком родстве. А римская церковь запрещала браки между родственниками до седьмого колена. Вот и пришлось Генриху искать невесту в тридесятom государстве, в Рабации, как тогда называли Русь европейцы. Ведь ему было уже под сорок, а французской короне был так нужен наследник!

Второе сватовство было удачным. За высокородной невестой приехало целое посольство: епископ Готье, епископ Роже и рыцарь Гослен де Шавиньяк де Шони в сопровождении многочисленной свиты.

Ярослав благословил Анну на брак с Генрихом, дал ей богатое приданное и отправил дочь с подобающими ей почетом и свитой во Францию. Хорошие отношения с Римом России тоже не помешают, да еще брак Анны с французским королем будет неплохим щелчком по носу Византии, которая стала слишком много на себя брать.

Путь во Францию для Анны был выбран после долгих размышлений. Это было еще и удачной возможностью повидаться со многочисленными родственниками: с сестрой Ярослава Марией, супругой польского короля, и с родной сестрой Анастасией – супругой короля венгерского.

Супруг тетушки Марии, король Казимир, ласково принял Анну в своем замке в Гнезно. Столица государства польского была моложе Киева – насчитывала всего каких-то двести лет. Но уже славилась и королевским замком, и великолепным собором. А король Казимир хорошо знал семью жениха Анны.

В молодости Казимир жил в Париже и Бургундии, даже числился некоторое время монахом знаменитого аббатства в Клуни и свободно говорил по-французски. Он мог дать Анне много полезных советов, а главное, наконец-то рассказал ей о стране, куда она ехала:

– Франция – прекрасный край с зелеными горами, густыми лесами, плодородными виноградниками и быстрыми реками. Лето в тех краях жаркое и длинное, зимы почти не бывает, а если когда и выпадает снег, то тут же и тает. В лесах полно дичи, так что охота там великолепна. И королевский дворец в Париже – один из самых красивых в Европе.

Покинув, наконец, Польшу, Анна начала учить французский язык. Он давался ей легко, ибо княжна с детства знала латынь. Но одно дело читать книги и совсем другое – говорить на чужом языке. И говорить не только с супругом – со своими подданными...

Через Краков и Прагу приехала Анна со своей свитой в столицу королевства венгерского – город Эстергом. Стоял он на Дунае еще со времен Римской империи – времен незапамятных. На высоком холме, где когда-то располагался римский лагерь, дед нынешнего короля Андрея возвел замок, в котором и поселился.

А отец Андрея, король Иштван I подчинил венгерскому влиянию весь Карпатский регион, закрепив присоединение новых территорий соответствующими договорами с Ярославом Мудрым и королем Польши Болеславом I.

Теперь в королевском замке жила и сестра Анны – королева Анастасия, которую подданные любили и почитали. Она уже давно бойко болтала по-венгерски, но, обняв сестру и услышав родную русскую речь, всплакнула:

– Мне бы, сестричка, хоть разок на киевскую стену взойти, на Днепр поглядеть, да в нашем храме помолиться...

– Но ты же королева, – неуверенно возразила Анна.

– Королева... Счастье мое, что Андрей меня сильно любит, и я его люблю. И дети у нас – красивые да здоровые. А корону-то носить нелегко, сестричка...

Анне стало чуть-чуть страшно. Анастасия вышла замуж по пылкой взаимной любви, знала своего супруга до свадьбы, вот и счастлива теперь в браке. О любви сестры Елизаветы и норвежского короля Гарольда Смелого слагают легенды, у них уже две дочери...

А что ждет ее? Неизвестный жених, лет на двадцать ее старше, чужая страна, чужие нравы... Как-то сложится там ее жизнь?

Но она отогнала недостойные ее положения сомнения. Она – княжна, дочь великого князя, замуж выходит за короля. При чем тут любовь? Ее судьба – родить супругу наследников престола, как поступала ее матушка, княгиня Ирина. Любовь – редкая гостья во дворцах.

Это она еще яснее увидела, когда встретила в Майнце с германским императором, отвергшим предложение ее отца и женившимся на герцогине Аквитанской. Супруги едва терпели друг друга. Немудрено: пылкую и веселую южанку отдали в жены холодному, мрачному философу, все свободное время проводившему в чтении и молитвах.

«А если и мой будущий супруг окажется таким же?» – подумала Анна.

Но тут же вспомнила, что рассказывал ей о Генрихе польский король, муж ее тетушки:

– Генриха я знал еще юношей, видел его иногда во дворце. Он высок и дороден, не очень живой в движениях, но и не медлительный, и полагаю, что из него получился теперь мужественный рыцарь. Помню, что он с удовольствием говорил о конях и оружии. По-видимому, король сведущ в воинских делах. Но к книжному искусству Генрих относится с полным равнодушием.

– А дворец его красив? – спросила тогда Анна.

– Он огромен. В нижних этажах устроены очаги с каменными навесами для отвода дыма и трубами. Если заглянуть в них, то увидишь небо. Дворец стоит у самой Сены, и вода совсем близко протекает под его круглыми башнями из красивого белого камня. На берегу реки рас-

тут дуплистые ивы, а лужайки усыпаны весной желтыми цветами. Впрочем, ты сама скоро увидишь...

Да, теперь уже совсем скоро она все увидит своими глазами. От Майнца прямая сухопутная дорога уже лежала во Францию. Невеста короля должна была сначала прибыть в Реймс, где вот уже почти тысячу лет, со времен Хлодвига, короновались все французские монархи.

Недалеко от Реймса Анна встретила, наконец, со своим женихом. Когда весть о благополучном возвращении посольства достигла Парижа и короля, Генрих, не медля ни единого часа, помчался в сопровождении немногочисленной свиты навстречу долгожданной невесте.

Увидев впереди повозки и всадников, король натянул поводья так резко, что его белый жеребец от неожиданности взвился на дыбы. А Генрих искал глазами ту, ради которой приехал сюда, как мальчишка. И увидел сидевшую очень прямо в седле стройную рыжеволосую девушку с зелеными глазами и в диковинной шапочке из серебряной парчи с меховой опушкой. Увидел настоящую красавицу.

И Анна, сдерживая волнение, глядела на короля. Нет, он не был похож на сказочного красавца или богатыря, но и ничего отталкивающего в его внешности не было. Сильный, сорокалетний мужчина, с пышными усами и бородой. Как ей говорили – мужественный воин и отличный охотник.

Что ж, она постарается стать ему хорошей женой...

Церемония королевского бракосочетания совершалась в Реймсе впервые. И впервые в истории Франции там должна была состояться коронация королевской супруги. До Анны ни одна французская королева не удостоилась подобной чести. Однако Генрих считал, что такой обряд только упрочит права его наследника, рожденного от матери, чье чело помазано священным миром.

Платье для невесты, украшенное тончайшими кружевами, было вишневого цвета и усыпано золотыми лилиями, излюбленным цветком французских королей. Это было настоящее чудо швейного искусства. А лучшие башмачники в королевстве смастерили для Анны туфельки из голубого шелка, осыпанные жемчужинами.

В Реймсе Анна стала королевой Франции и супругой Генриха. Теперь оставалось ждать появления на свет наследника престола. И Анна была абсолютно уверена в том, что родит именно мальчика: ведь первые шестеро детей ее собственной матери были сыновьями.

Через год после своей свадьбы, в 1052 году Анна родила сына – здорового и крикливого младенца. Советники короля, пришедшие его поздравить, осведомились:

– Как ты пожелаешь назвать своего сына, государь?

Генрих, пребывавший от счастья на седьмом небе, ответил:

– Спросите об этом у королевы. По мне, так пусть его назовут, как угодно, лишь бы французская корона держалась у него на голове.

Явившись в опочивальню к Анне, советники после обязательных поздравлений, сказали:

– Король прислал нас узнать, как хочешь ты, чтобы нарекли новорожденного.

– Филиппом, – неожиданно ответила Анна.

– Но почему? – изумились советники. – Ни один французский король не носил такого имени. Ты могла бы наречь своего сына Робером, в память о его славном деде, или Гуго...

– Робером я назову второго сына, – отрезала Анна.

Епископ Роже, также присутствовавший в опочивальне, считал своим долгом поддержать королеву:

– Филипп – это имя одного из апостолов. К тому же мне доводилось слышать, что русские государи ведут свой род от македонского царя Филиппа...

Анна с трудом сдержала улыбку: ее предки вели свой род совсем от другого человека. Но не стала спорить с епископом.

– Так и есть. Моего первенца мы окрестим этим славным именем.

Против ожидания, король не рассердился и не удивился, а только расхохотался:

– Так Робером она хочет назвать второго сына? Прекрасно! Превосходно! Не успела родить одного, как собирается подарить мне другого! Бог благословил наш брак, это очевидно. А сына пусть назовут Филиппом, лишь бы французская корона прочно держалась у него на голове.

Собственная шутка так понравилась королю, что он еще несколько раз повторил ее, к месту и не совсем.

После Филиппа у королевской четы родился сын, которого называли Робером, а еще год спустя – третий сын, Гуго. Генрих не уставал благодарить Бога за то, что тот послал ему такую супругу: добродетельную, плодовитую и... очень умную. В отличие от короля, Анна умела и читать, и писать. Генрих же вместо подписи под всеми документами ставил так называемый «сигнум» – латинскую букву S, перечеркнутую кривой палочкой. Он и не заметил, когда королева начала ставить под его «сигнумом» свою подпись – «Анна Регина»...

– Что это значит? – осведомился он у супруги, когда впервые увидел эти два слова.

– Это значит: «Анна королева». Пройдут века... Когда-нибудь люди удивятся этой подписи и будут спрашивать себя: что за странная королева была во Франции...

Генрих на это ничего не ответил. Он уже привык и к необыкновенной учености своей жены, и к ее причудам. К тому же – а это важнее всего! – он любил свою прекрасную королеву, на которой ни годы, ни рождение детей, казалось, никак не сказывались. Она выглядела так же молодо и привлекательно, как в тот раз, когда он впервые увидел ее возле города Реймса.

На многих хартиях Генриха I стоят приписки: «С согласия супруги моей Анны», «В присутствии королевы Анны». Жена была, пожалуй, его главным советником в государственных делах. Слух об уме и удивительной образованности французской королевы распространился по всей Европе. Сам папа римский Николай II писал ей в 1059 году:

«Слух о ваших добродетелях, восхитительная дева, дошел до наших ушей, и с великой радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным усердием и замечательным умом».

Король и не догадывался, что в немногих отправленных отцу письмах, Анна писала:

«В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны».

В том же 1059 году Генрих решил заблаговременно короновать своего старшего сына Филиппа, дабы упрочить его права на французский престол. Хотя Филиппу едва исполнилось восемь лет, древний обряд совершили полностью.

Король опасался всего. Ведь в противном случае враги могли оспаривать в будущем священные права Филиппа и на престол, сославшись на какое-нибудь упущение в священной церемонии. Такие случаи уже бывали во французской истории.

За несколько дней до коронации королевское семейство отправилось в Реймс. Парижские мастера уже изготовили для Филиппа маленькую шелковую тунику, такие же башмачки и детскую мантию из пурпура. Золотых дел мастер сделал для него корону по образцу настоящей, скипетр и другие царственные регалии.

Так Анна стала не только королевой и супругой короля, но еще и матерью короля. Ни до, ни после нее ничего подобного во французской истории не было.

И потекли годы. Анна родила еще одного ребенка – дочь Эмму, которая, впрочем, скончалась почти сразу после рождения. И второй сын Робер тоже умер. Анна горько оплакивала своих детей, но еще горше плакала в тот день, когда из далекой Руси пришла к ней весть о том, что и мать ее, и отец скончались, а братья никак не могут поделить оставшееся после Ярослава Мудрого богатое наследство.

«Теперь у меня уже нет иной родины, кроме Франции, – подумала Анна. – Никогда я не вернусь в Киев, не увижу его храмы... Да и прежнего Киева, наверняка, уже нет: все изменила жестокая междоусобица братьев...»

Наверное, именно в этот день Анна решила построить во Франции монастырь, который хоть немного напоминал бы ей об оставленной Руси. И выбрала для этой цели древний – еще римлянами заложённый – городок Санлис всего в сорока километрах от Парижа. Анна торжественно вложила первый камень в основание женского монастыря Святого Винсента. И чуть ли не ежемесячно приезжала потом на его строительство.

Увы, супружеское счастье Анны оказалось недолговечным. Король Генрих скончался, оставив ее вдовой и регентшей при десятилетнем Филиппе. По завещанию Генриха ей помогла в этом один из самых могущественных сеньоров Франции – граф Бодуэ.

Страна спокойно приняла нового повелителя, не смущаясь ни его юностью, ни тем, что его мать была иностранкой. Анну почитали и любили, как никакую другую из королев. А сам Филипп очень рано стал проявлять способности к управлению и стремление к самостоятельности. Его нежное отношение к матери никак не влияло на стремление как можно скорее избавиться от ее опеки.

И Анна пошла навстречу его пожеланиям. Едва королю исполнилось пятнадцать лет, вдовствующая королева стала почти все время проводить в Санлисе, под тем предлогом, что хочет передать новому монастырю часть своих владений.

В Париж Анна писала, что новый монастырь требует ее постоянного присутствия. Филиппу было безразлично: у его матери было свое немалое состояние, и она вольна была его тратить так, как ей заблагорассудится. Тем более что пребывание вдовствующей королевы в монастыре было очень благочестиво и благопристойно – с точки зрения ее подданных.

И тут произошло событие, разом перевернувшее и монотонную жизнь Анны, и почти молитвенное отношение к ней французов.

Недалеко от Санлиса в своем замке проживал граф Рауль де Крепи, не уступавший могуществом самому Бодуэну. При жизни короля Генриха он был одним из самых своевольных и необузданных его вассалов, и король очень опасался, что после его смерти граф поднимет мятеж: ведь граф де Крепи происходил по побочной линии от самого Карла Великого, то есть принадлежал к прошлой королевской династии Каролингов.

Но того, что случилось, Генрих предвидеть никак не мог. Граф де Крепи без памяти влюбился во все еще прекрасную королеву. Так влюбился, что обвинил свою законную супругу Алиенору Амьенскую в супружеской измене и приказал ей удалиться в какой-нибудь монастырь, замаливать грехи.

– Да я даже в мыслях вам не изменяла! – взмолилась несчастная.

– Вздор! – отрезал ее супруг и повелитель. – Я сам видел, как вы кокетничали с заезжим трубадуром. Его, кстати, уже повесили. Отправляйтесь в монастырь, вы мне больше не жена.

Развод, кстати, мог дать только папа Римский, но граф де Крепи был выше подобных мелочей. А избавившись от нелюбимой супруги, Рауль поскакал в Санлис, где королева Анна ежедневно наблюдала за строительными работами.

Особенно ее занимал труд одного каменотеса, ваявшего на каменной плите женскую фигуру. Это было ее собственное изображение, предназначенное для украшения портала монастыря. В руках она держала подобие храма, как бы напоминая о том, кто повелел его построить.

Наглядевшись на зодчих, Анна обычно уходила в небольшую рожицу, почему-то напоминавшую ей окрестности далекого и любимого Киева. Там она часами могла следить за птицами на деревьях или за бегущей светлой и чистой водой небольшой речушки.

И вот однажды эта идиллия была нарушена конским топотом. Не успела Анна понять, что происходит, как сильные руки подхватили ее и посадили на коня, впереди всадника, которым был... разумеется граф де Крепи!

Граф привез свою прекрасную пленницу не в замок, а прямо в замковую часовню, и потребовал, чтобы кюре немедленно обвенчал их. Сеньор де Крепи был полновластным хозяином в своих владениях и не было человека, который осмелился бы возразить ему. Так что из часовни Анна вышла уже не вдовствующей королевой, а новой графиней де Крепи.

И очень счастливой женщиной, потому что давно уже тайно любила этого властного и красивого сеньора.

Злосчастная Алиенора напрасно писала в Ватикан, новый Папа Римский Александр напрасно присылал нечестивому графу грозные письма и даже отлучил его от церкви, что в те времена было страшнейшим наказанием для доброго христианина. Раулю были безразличны и Папа, и святая церковь, и вообще весь мир... кроме его возлюбленной Анны.

Король Филипп отнесся к новому замужеству матери совершенно равнодушно, но не позволял никому ее осуждать: он, несмотря на свое стремление к независимости от влияния Анны, с детских лет привык считать, что все ее поступки – правильны и разумны. Более того, он приблизил к себе графа де Крепи, который стал его надежнейшей опорой. Молодой король был мудр не по годам – достойный внук своего прославленного русского деда.

С юных лет Филипп отличался острым умом, подозрительностью, недоверием к людям, презрением к их слабостям и неразборчивостью в средствах для достижения какой-нибудь дальновидно поставленной перед собою цели. Филипп любил песни менестрелей, и никогда еще во Франции не сочиняли столько стихов, как во время его царствования.

Молодой король трезво смотрел на окружающий мир, и его язык был резким, а выражения часто просто грубыми. Но суждения короля давали повод думать, что французское проникновение в суть вещей соединялось у него со спокойным русским умом.

Анна любовалась своим старшим сыном, радовалась, что между ним и его младшим братом Гуго никогда не было никаких размолвок: принц безоговорочно подчинялся королю и во всем ему помогал. Стало быть, Франции не грозили междоусобицы и братоубийственные войны – бич Руси.

А еще Анна впервые в жизни почувствовала себя настоящей женщиной – любящей и любимой. Она не смогла родить графу Раулю детей, но их союз и без них был на диво прочным и гармоничным. Целых двенадцать лет графиня де Крепи прожила в радости и покое.

В 1072 году она плакала от счастья на свадьбе старшего сына: Филипп женился на Берте Голландской. Анна увидела рождение двух своих старших внуков – Людовика, будущего короля, и Генриха. Но принимать участие в их воспитании ей почти не приходилось, ибо молодая королева Берта ревновала к свекрови и старалась держать ее подальше от своего супруга-короля.

Но мать по-прежнему была ему нужна. Только с Анной король Филипп мог обсуждать самые важные государственные вопросы, только ее советам он доверял. Доказательство тому – подпись Анны на многих документах той поры.

«Анна Регина» значит под подписью короля Филиппа, как некогда значилось под подписью короля Генриха, его отца. Для Филиппа она по-прежнему была королевой, хотя и считалась всего лишь графиней де Крепи.

Последняя такая подпись Анны относится к 1075 году. За год до этого скоропостижно скончался граф Рауль – и свет жизни померк для нее. Пасынок, ставший теперь могущественным графом де Крепи, ненавидел мачеху, и Анне пришлось вернуться в Париж – к сыновьям.

Ей было около пятидесяти лет – старость для женщины тех времен, но она по-прежнему выглядела молодой и прекрасной. Только не осталось уже никого, кого бы радовали эти красота и молодость. И все чаще она оставалась одна в огромном королевском дворце.

Филипп любил ездить по стране и подолгу отсутствовал. Гуго женился на богатой наследнице, дочери графа Вермандуа, чтобы узаконить захват этих земель, и перебрался в ее замок.

Никому теперь не было дела до королевы, и навеки ушли в прошлое годы, когда люди считали Анну счастливой и любовались ее красотой. А она часто вспоминала, как впервые въезжала в Париж, на коне, в парчовом греческом наряде, привезенном из Киева, и в опушенной мехом шапочке, с которой не хотелось расставаться, так как этот убор напоминал о русской стране. Две рыжие косы свисали ей на грудь, а на плечах у королевы была та самая мантия, в которой она короновалась.

В тот полный шума и волнений солнечный день французский народ радостно приветствовал свою новую королеву криками, в надежде, что она будет не такая, как другие.

Она и была – другой. Она была первой и последней русской принцессой, вышедшей замуж за французского сеньора, за самого знатного из французских сеньоров – самого короля. Имена сотен французских королей затерялись во мраке истории, но Анну Русскую французы запомнили навсегда.

О смерти Анны ничего достоверно не известно. Одни историки утверждают, что она всего лишь на год пережила своего второго супруга и тихо угасла в отдаленном покое королевского дворца. Другие считают, что королева Анна вернулась на родину – в Киев, и следы ее там окончательно затерялись. Третьи полагают, что она дожила до глубокой старости в своем любимом Санлисе и похоронена там же, на кладбище при монастыре.

Во всяком случае, в соборе Санлиса до сих пор можно видеть статую королевы, которая держит в руках Евангелие. То самое, называемое ныне «Реймское Евангелие», которое Анна привезла из Киева с собой во Францию и на котором давали клятву все короли, начиная с Филиппа I и заканчивая последними Бурбонами.

Принцесса из Альбиона в Киевской Руси

Нет, видно, миновали времена сакского господства в Альбионе. Последний великий король саксонцев – Гарольд II – пал в бою с Вильгельмом Завоевателем. О, про битву при Гастингсе еще долго будут складывать баллады и легенды. Еще долго саксы будут считать себя единственными настоящими хозяевами в Англии. Но вот вернуть английский престол потомкам знаменитого короля так и не удастся. Пять сыновей Гарольда так и не достигли подходящего возраста. А из двух дочерей одна ушла в монастырь, а вторая...

Жизнь принцессы Гиты поделилась на три неравные части. По смутным воспоминаниям детства, проведенного в королевском дворце ее отца, мать – прекрасную Эдит – она видела только изредка, но все говорили, что девочка унаследовала от невенчанной супруги короля ее красоту: зеленые глаза, белокурые пышные волосы, стройные стан и шею. А от отца – тягу к наукам и невинный ум.

Детство кончилось, когда пришла страшная весть о гибели короля при Гастингсе. Маленькую принцессу посадили на огромный корабль и отправили в далекую Данию к августейшим родственникам – королю Свену и его супруге королеве Елизавете. Там, в величественном замке, прошла вторая часть ее жизни – безмятежная юность.

В датских хрониках, точнее, в «Норвежских Королевских сагах», о ней упоминается, как о прекрасной лицом и славной благочестием девице.

Королева Елизавета, была одной из дочерей русского князя Ярослава Мудрого, которая вышла замуж норвежского короля Гарольда, а после его гибели – за датского короля Свена. Не удивительно, что когда пришло время искать жениха для племяннице, взор королевы обратился на далекую, давно оставленную родину.

Гиту сосватали с внуком Ярослава Мудрого, князем Владимиром, и английская принцесса стала в 1076 году великой княгиней Смоленской. Наследница английского престола, окончательно отнятого у саксов, поселилась с супругом в русском городе Смоленске. Там и началась третья часть ее жизни.

Гита не знала, что жена ее дяди пыталась найти ей жениха в Европе. Одна из ее сестер – Анна – была когда-то королевой французской, вторая – Анастасия – королевой Венгерской. Но в письмах, пришедших датской королеве, было мало утешительного: Анна давно овдовела и жила в монастыре, Анастасия, тоже овдовевшая и потерявшая трон, была вынуждена искать защиты у своих же подданных. Ни во Франции, ни в Венгрии не нужна была принцесса без королевства.

А вот оставшиеся в России братья... Их отец тоже женил на знатных иностранках, причем о землях в приданое и речи не было: Русь велика, места всем хватит. Один из братьев был женат на дочери графа Штаденского Оде, второй – на сестре польского короля Гертруде, третий – на дочери австрийского императора Аде, четвертый – на греческой царевне Анне, пятый – на дочери норвежского короля Инге, шестой – на германской принцессе Кунингуде. Внимательно перебрав своих племянников, Елизавета остановила выбор на сыне Всеволода и Анны, который по завещанию отца должен был со временем занять киевский престол, но пока имел удел в Смоленске.

«При таком дворе и с таким будущим Гите будет не зазорно стать женой сына брата моего, – рассудила Елизавета. – Она наполовину датчанка, наполовину – саксонка, наследница английской короны... честь для моего племянника».

И в далекую Русь поскакал посол с письмом от королевы и портретом принцессы...

Гита и не подозревала о том, сколько хлопот у датского двора в связи с ее будущим. Она прилежно вышивала покров на алтарь церкви, читала богато разукрашенный Псалтирь, иногда поднималась на дворцовую башню и долго вглядывалась туда, где осталась ее родина...

Гита вспоминала счастливые часы, проведенные в играх с братьями и сестрой, уроки старого аббата, обучавшего ее латыни, редкие свидания с матерью, которой пришлось поселиться в монастыре. Придворные иногда говорили о ней: простолюдинка, наложница, но маленькая принцесса уже тогда знала, что это не так.

Красавица Эдит не была простолюдинкой, как потом стали писать не только в балладах, но и в серьезных исторических трудах. Она была дочерью саксонского графа, а со стороны матери принадлежала к датскому королевскому роду, как и сам король Гарольд. Бабушка Эдит и мать Гарольда были двоюродными сестрами. По каким-то причинам король не смог жениться на своей возлюбленной, но ее дети воспитывались в королевском дворце. Сначала – под присмотром матери, потом – под опекой вдовствующей королевы.

Гарольду пришлось жениться на Эльдите Мерсийской, сестре влиятельных графов. Молодая королева не была красива, но принесла мужу в приданное поддержку своих родных и их рыцарей. Гита, разговаривая с мачехой, гордо поднимала голову: она была дочерью короля и с малых лет привыкла отдавать приказания, считала вполне естественным, чтобы ей прислуживали за столом, одевали ее и раздевали.

– Рождена для трона, – любил повторять ее отец. – Истинная принцесса.

И Гита продолжала жить безмятежно, как в полусне, то улыбаясь каким-то смутным своим мечтам, то задумываясь о чем-то неведомом. Только не о троне: она считала, что непременно будет королевой, так что об этом думать!

Все рухнуло в несколько дней, хотя Гита еще и не понимала, что самое непоправимое – смерть, приходит нежданно и незвано. Когда отец надел боевую кольчугу и спешно покинул дворец, чтобы сразиться с викингами, принцесса оставалась совершенно спокойной среди всеобщего волнения: ее отец всегда был победителем и много раз облачался в боевые доспехи.

Но на сей раз он не вернулся во дворец в ореоле победителя: его принесли на носилках и обезумевшая от горя Эдит, до которой дошла черная весть, билась над ним в рыданиях. Молодая королева, которая вот-вот должна была родить, заперлась в своих покоях: она считала ниже своего достоинства публично выражать скорбь. А потом было уже некогда скорбеть: нужно было спастись самим и спасти королевских детей от норманнских завоевателей.

Королевская семья бежала в западный город Экзтер, расположенный на побережье. Они еще надеялись вернуть трон. Увы, две предпринятые отчаянные попытки только уменьшили число саксов. Когда норманны осадили уже и Экзтер, пришлось спасаться бегством.

«Вдовствующая королева, – свидетельствуют английские хроники, – покинула город ранее, чем отворили ворота. Бежать было нетрудно, потому что Вильгельм не привел кораблей, чтобы напасть на Экзтер с моря... Когда завоеватели ворвались через восточные ворота и пролом в стене, королева с дочерьми и внучкой ступила на корабль. Семья Гарольда навсегда покинула английскую землю и уехала в Сент-Омер во Фландрии, откуда впоследствии уехала в Данию».

Но дни шли за днями и Гита все реже вспоминала Англию. Весть о гибели в одном из боев с норманнами ее братьев заставила ее долго и горько плакать, но время делало свое дело. Милые лица вспоминались все реже, детство затягивала золотистая дымка, словно все что было, происходило не с ней, а с какой-то другой – сказочной – принцессой. А к самой Гите обязательно прискачет на горячем коне королевский сын. Или приплывет на корабле.

Она ведь рождена для трона, как говорил ее отец.

Но королевич все не появлялся, а вместо этого однажды ее позвали в покои к королю и королеве. Там король объявил своей племяннице, что ее руки просит сын русского князя –

Владимир, и что брак этот вполне достоин даже дочери великого короля, ибо королевство ее утрачено безвозвратно.

– Твой жених молод, хорош собой, весьма образован. После смерти отца он, скорее всего, станет самым великим князем на Руси – Киевским, – сказал король.

– Таким, каким был мой батюшка, – мечтательно добавила королева. – Владимир даже чем-то похож на него.

– Владимир – благородный ярл, мужественный воин. Ты будешь не последней среди счастливых, родишь ему много детей и продлишь род своего отца.

Елизавета, вытирая платком слезы, прошептала:

– Видишь, я плачу, вспоминая Русскую землю, где впервые увидела свет мира. Ты убедишься, что наша страна полна всяческого богатства.

Гита присела в поклоне, бормоча слова благодарности. Ее не испугало то, что придется ехать на Русь: оттуда приехала королева Елизавета, да и многие европейские принцессы выходили замуж за русских князей.

Не так уж сильно отличалась в те времена Киевская Русь от других европейских государств. Во всяком случае, родственные связи с иностранными государями было делом вполне обыденным. Русское посольство уехало с согласием на брак англо-саксонской принцессы Гиты с князем Владимиром. А она стала собираться в далекий путь, в новую жизнь...

Вскоре большой корабль с искусно вырезанной хищной птицей на носу отплыл из Дании на восток. Снова Гита пустилась в морское странствие. Навстречу своему жениху и третьей жизни...

Плыли много дней, но погода стояла теплая и ясная. На палубе корабле разостлали ковер, и Гита, сидя на нем и откинувшись на вышитые подушки, слушала воинственные песни моряков. Иногда она пела сама, вместе с теми знатными девушками, которым королева Елизавета поручила сопровождать молодую невесту. Тогда все звуки на корабле замирали: мужчины зачарованно внимали пению зеленоглазой красавицы, хотя не всегда понимали язык, на котором она пела.

Потом корабль плавно вошел в широкое устье какой-то неизвестной реки. Гите сказали ее название, но она тут же забыла чуждое ее уху имя. Берега реки заросли лесами, в прибрежных кустах водилось множество птиц, которые с шумом поднимались в воздух при приближении корабля. Воины похватили было луки, но капитан запретил бить зря птицу: причаливать к берегу он не собирался.

– Еще наохотитесь, – буркнул он в ответ на недовольство несостоявшихся стрелков. – Русь дичью богата, ловитвы тут знатные, особенно – княжеские.

Гита начала было расспрашивать капитана о местных обычаях, но тот был немногословен:

– Сама все увидишь, светлая принцесса. Знаю только, что жених твой слывет лучшим охотником на всех землях – от Новгородской до Киевской.

Тогда Гита вернулась к запискам, данным ей королевой Елизаветой в дорогу. Там были и описания русских обычаев, и названия городов, и некоторые русские фразы. Принцесса хотела хотя бы поздороваться с женихом на его родном языке.

А потом корабль очутился на необозримом озере и плыл по нему, как по морю. Наконец, вдали показались белоснежные башни и стены, словно выраставшие из воды.

– Новгород, – кратко пояснил капитан.

У причала было великое множество больших и малых кораблей, и военных, и купеческих. А на берегу зоркие глаза Гиты усмотрели группу богато одетых всадников. Это мог быть только ее будущий супруг со свитой...

Когда Гита впервые увидела своего жениха, русского княжича Владимира, у нее сжалось сердце. С этим человеком ей предстояло делить до гроба радости, горе и ложе. От него она

будет рожать детей. А он ничуть не похож на того сказочного королевича, о котором она грезила еще совсем недавно.

Перед нею стоял воин, не очень высокого роста, но отлично сложенный, с сильными, широкими плечами. На нем был алый плащ – корзно, застегнутый на правом плече жемчужной пряжкой. На княжиче была дивной красоты парчовая шапка, опушенная бобровым мехом, а когда он поклонился невесте, то обнажил голову со вьющимися рыжеватыми волосами. Только теперь Гита заметила, что Владимир – не юноша, а вполне зрелый мужчина с пышной бородкой. Чем-то он неуловимо напомнил ей отца, и принцесса залилась краской и опустила ресницы.

А Владимир с восхищением смотрел на свою невесту и вспоминалась ему сказка о Царевне – лебеди, которую ему рассказывала в детстве нянька. И вот сказка обернулась явью: из дальних стран, из-за тридцать земель, по морю приплыла к нему золотоволосая и зеленоглазая красавица, тонкая, небольшого роста, смущенная чуть ли не до слез. От носилок она отказалась, пришлось срочно привести богато оседланного коня. Так и поехали к главному новгородскому храму – бок о бок.

Пока ехали по городу, Гита забыла свои страхи и смущение, удивляясь тому, что видела вокруг себя. Ничто не напоминало ни Англию, ни Данию. Улицы были вымощены бревнами, а по сторонам, в деревянных желобах, весело журчала вода. И люди здесь были другие: приветливые, улыбающиеся, кланявшиеся невесте княжича чуть ли не в пояс. На площади толпились купцы со всего света, пахло смолой, мехами, соленой рыбой, пенькой, свежесрубленным деревом...

Сначала отслужили благодарственный молебен – в честь благополучного прибытия принцессы на Русь. Гита только краем уха слышала непонятные слова богослужения, и с любопытством рассматривала церковь, тоже ничуть не похожую на строгие европейские соборы. На всех стенах были искусно изображены ангелы, святые старцы, пророки с длинными свитками в руках. Очень много было изображений Богородицы – и не в пышных одеждах, как привыкла видеть этот образ принцесса, а в виде обычной женщины, которая пряла пряжу для храмовой завесы, слушала благовест архангела Гавриила, сидела у колыбели, в которых лежал ее новорожденный сын, отрешенно-скорбно стояла у подножия креста на Голгофе.

Все знакомые персонажи... и все другое.

Но когда жених и невеста прибыли в Киев, Гита увидела еще более прекрасные церкви и роскошные княжеские и боярские хоромы. Ее окрестили по православному обычаю и нарекли Анной. Но она так и не привыкла к этому имени, да и Владимир ее называл то лебедушкой (плавными своими движениями Гита действительно напоминала лебедя), то ладужкой, лишь изредка окликаая:

– Гита!

Не хотел он, чтобы его молодая жена чувствовала себя чужой на Руси. Он помнил, хотя и смутно, свою мать, ромейскую царевну из рода Мономахов. Около нее вечно были ромейцы – знатные вельможи, монахи, лекари. Всегда жарко натоплены покои княгини были пропитаны ароматами каких-то лекарственных трав и курений, вдоль стен на аналоях лежали с огромные книги в парчовых и серебряных переплетах. Мать редко выходила из терема, она так и не привыкла к Киеву.

Своего любимца Владимира она учила читать по-гречески, но тот в детстве предпочитал играть со сверстниками во дворе или ездить с отцом на охоту. Лишь когда матери не стало, княжич пристрастился к чтению, точно хотел вернуть во дворец смуглую, тихую женщину с огромными, вечно печальными черными глазами.

Но его жена была совсем другой – настоящей северянкой. Она сразу полюбила свою новую родину и молодого мужа. После венчания они отправились в город Чернигов, удел, выделенный князю Владимиру. Дорога шла через леса и бескрайние поля, где паслись табуны

полудиких коней. Гита уже немного понимала по-русски, ей объяснили, что ее супруг – владелец несметного количества чистокровных коней, и очень их любит.

Их – любит, а ее? Она все еще боялась вечеров, наступления того времени, когда она оставалась наедине с мужем, и сердце у нее начинало биться, как птичка, пойманная в силки. Но муж был нежен и терпелив со своей богобоязненной женой, опускавшей глаза перед мужскими взглядами. И Гита стала быстро взрослеть и хорошеть.

Уже через год многие знатные женщины, приехавшие с нею из Дании, покинули ее. Одни вернулись в свою страну, другие поспешили вышли замуж за русских бояр и переехали к мужьям в их отдаленные вотчины. Князь Владимир остался у семнадцатилетней женщины единственным близким человеком и защитником. Она привязалась к Владимиру, не хотела расстаться с ним ни на один час, но это была еще полудетская привязанность. Настоящая любовь пришла позднее.

Владимир тоже скучал без своей красавицы-жены и постепенно стал брать ее с собой во все поездки и на все охоты. В такие поездки на нее надевали красную шубку, отороченную горностаем, и охотники исподтишка любовались раздумяившейся на свежем, холодном воздухе светловолосой и зеленоглазой красавицей, ловко сидевшей в седле.

Во время одной из охот князь чуть не погиб: внезапно вырвавшийся из чащи огромный олень кинулся на всадника и раскроил его коню брюхо своими огромными рогами. Конь рухнул, придавив собой Владимира. Олень уже наставил рога на беспомощного всадника, но копые одного из ловчих поразило животное насмерть.

Гита немало пережила за свою еще недолгую жизнь, видела гибель близких людей, войны и пожары, но то, что ее молодой муж оказался на волосок от гибели, перевернуло ей душу. Она вдруг повзрослела, перестала быть наивной, мечтательной полуженщиной-полудевочкой, поняла, как драгоценна человеческая жизнь и как легко ее потерять...

В ту ночь был зачат их первенец – Мстислав, которого Гита до конца своей жизни звала в память отца Гарольдом. Владимир не возражал: при крещении сына нарекли Феодором, да и сам он принял от купели имя Василий, ибо Владимир считался именем языческим и тогда еще не вошло в святцы. Но память о Владимире, который крестил Русь, уже обрастала легендами и преданиями, которые муж с удовольствием рассказывал Гите.

Да она и сама была удивительной рассказчицей. Перед сном, на смешном еще, ломаном языке часто рассказывала мужу, лежа в постели, о своей далекой родине, ее обычаях, о своем великом отце и красавице-матери и из великой любви, которая так трагически закончилась.

Да и днем Гита, как и в дни своей юности, частенько сидела, устремив в пространство невидящий взгляд, и часами грезил о каких-то далеких, неведомых странах, диковинных птицах, колдунах и феях. Она не любила прясть и вышивать, зато любила читать. Только дети отвлекали ее от фантазий и книг.

Вслед за Мстиславом Гита родила еще четверых сыновей: Ярополка, Вячеслава, Юрия и Андрея. Она мечтала о дочери, даже часто молила об этом Богородицу, но ее молитвы, видно, не были услышаны. Зато Владимир гордился тем, что его жена рождает только воинов, да еще сохраняет при этом почти девичью стройность и нежную кожу. Он любил жену так, как редко бывает в семьях, где браки заключаются по государственным соображениям, и она отвечала ему взаимностью. Тридцать один год прожили они в полном ладу, редко разлучаясь и тоскуя вдали друг от друга.

Из Чернигова переехали в Переяславль, хотя по праву наследства Владимир должен был после смерти отца занять киевский престол. Но князь был добрым и нетщеславным: дабы избежать междоусобицы, уступил его своему двоюродному брату – Святополку, сыну Изяслава. Вместе с ним участвовал в походах против половцев. Завещание Всеволода осуществилось лишь после смерти Изяслава.

– Зачем ты так поступил? – недоумевала Гита. – Киевский престол принадлежит тебе по праву.

– Ах, лебедушка моя, лучше княжить в небольшом городе, да жить в мире и покое, чем рисковать жизнью ради тщеславия.

Дочь короля не понимала этого. Но она уже знала, что за внешней мягкостью супруга кроется твердая душа и ясный ум. Он действительно не хотел великокняжеского престола, был доволен своим Переяславлем и всячески украшал его. Много потрудился для этого и епископ Ефрем, человек, наделенный тонким вкусом и знавший толк не только в богословии, но и в строительстве.

Это он возвел в Переяславле огромную церковь св. Михаила, не уступавшую Десятинной, пристроил к ней приделы, как в св. Софии в Киеве, украсил храм, одарил золотыми сосудами. Кроме того, епископ-зодчий обнес внутренний княжеский город стенами и на его воротах поставил церковь святого Феодора, а неподалеку еще одну церковь, во имя апостола Андрея. Несколько позже Владимир Мономах выстроил еще одну церковь, во имя богородицы, и сделал этот храм семейной усыпальницей, где суждено было лежать и Гите.

Удивительная то была семья: второй такой, пожалуй, и не сыскать было в то время среди княжеских пар на Руси. Мало того, что они искренне и крепко любили друг друга, так еще и семейные уклады двух таких разных стран почти полностью совпадали, разве что положение женщины у англо-саксов было гораздо более свободным и почетным, чем в древней Руси.

В «Почении», написанным в последние годы жизни, Мономах говорит: *«жену свою любите, но не дайте ей над собою власти»*. Из англо-саксонских законов и правовых документов мы знаем, что и в Англии церковь и законодательство предписывали женщине безусловное подчинение своему мужу, и тем не менее это не противоречило ее достаточной независимости в отношении правовом и в смысле индивидуальной свободы.

Не все было ясно и безмятежно в жизни Гиты на Руси. Погиб в нелепой, случайной схватке второй сын Изяслав, оставив бездетную юную вдову, скончался в младенчестве сын Роман... Но остальные сыновья были живы и становились все больше похожи на своего отца и – к тайной радости Гиты – на деда, короля Гарольда.

Но и жизнь первенца Мстислава один раз оказалась в смертельной опасности. В русских летописях ничего об этом не говорится, но в Германии был обнаружен [битая ссылка] <http://www.vokrugsveta.ru/country/germany/> латинский текст XII века – «Проповедь благочестивого Руперта» – настоятеля монастыря св. Пантелеймона в Кёльне.

Проповедь посвящена эпизоду из жизни князя Мстислава Великого, который был тяжело ранен на охоте медведем. Князь находился между жизнью и смертью, у его постели много дней сидела в печали его мать, которая, как следует из рукописи, ещё раньше, до её приезда на Русь, вступила в обитель св. Пантелеймона в Кёльне почетным членом, делавшим вклады в монастырь.

Считалось, что благодаря этому она и её дети находились под особым покровительством целителя Пантелеймона. И в критический момент этот святой явился раненому князю и вернул ему здоровье. Достоверно и то, что в память о своём чудесном исцелении Мстислав назвал вскоре после того родившегося сына Изяславом, а крестил его Пантелеймоном.

Изяслав – Пантелеймон воздвиг в Новгороде храм в честь своего святого, который частично сохранился до сих пор, но сейчас носит имя русского святого – целителя Николая. В этом храме есть предел святой Анны, названный так в честь второго – русского – имени княгини Гиты.

Увы, самой Гите целитель-Пантелеймон не помог. Она скончалась, не дожив до пятидесяти лет, когда она с мужем возвращалась из очередной поездки в древлянские земли. Эту историю очень трогательно рассказал Антонин Ладинский в романе «Последний путь Влади-

мира Мономаха». Только по его версии Гита умерла совсем еще молодой женщиной. И произошло это так:

«...Они торопились домой с княгиней, потому что из Переяславля приходили тревожные вести. Гита чувствовала себя больной, жаловалась на сильную головную боль.

Стояла поздняя осень. Ночь выдалась такая темная, что отроки не видели наконецников своих копий. Не переставая, шел дождь. Мономах и его спутники ехали верхами, и он изредка обменивался несколькими словами с продрогшей до мозга костей женою. Душа князя была полна тревоги...

...Мономах привез жену в Переяславль совсем разболевшейся. Тотчас поскакал отрок в Киев, держа на поводу еще одного жеребца, чтобы немедленно доставить сирийского врача. Гита металась на постели, раскинув пышные волосы на подушке, и что-то говорила на своем языке. Она сама уже позабыла его, а теперь вдруг вспомнила в жару. Порой она приходила в себя, с плачем обнимала мужа, когда он присаживался к ней на кровать, как будто цепляясь за земное существование.

Гита умирала... жизнь уже угасала в молодом и прекрасном теле. Истекали ее последние часы на земле. Пальцы Гиты, сжимавшие руку мужа, уже слабели с каждой минутой.

– Как ты останешься без меня?.. – тихо прошептала она.

Мономах склонился к умирающей, все еще не веря, что она покидает его навеки, прижался губами к раскаленным, как пустыня, устам.

Но дыхание Гиты становилось трудным, и сознание покидало ее. Как во сне она увидела близко от себя золотую чашу. Лязгнула ложка... Священник произносил какие-то слова... Последняя мысль была о том, чтобы поскорее, пока не поздно, найти руку Владимира.

– Супруг мой!

Перед вечерней она испустила последний свой вздох, и голова бессильно упала на плечо. Тогда этот мужественный человек зарыдал, как ребенок...»

Гита упокоилась в княжеской усыпальнице в построенном при ней переяславском храме, в мраморной гробнице из плит, доставленных с великим трудом из Корсуни. Она так и не успела стать Великой княгиней киевской – Владимир занял этот престол лишь в 1113 году, после того, как киевляне слезно просили его об этом:

– Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский...

Владимир княжил в Киеве 13 лет. А под конец жизни написал в своем «Поучении»:

«Всех походов моих было 83, а других маловажных и не упомяну. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более 100 лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках».

Он заставил половцев откочевать далеко на восток и при его жизни набеги кочевников почти перестали тревожить русскую землю. На Руси установился относительный порядок.

Летопись называет его «братолюбом, нищелюбом и добрым страдальцем за русскую землю».

Действительно, Владимир Мономах стал в истории Киевской Руси третьим после Владимира Святого, который крестил Русь, и Ярослава Мудрого величайшим самодержцем, всю жизнь он заботился о силе, единстве и красоте земли Русской.

И знаменитый царский венец – шапку Мономаха – он получил уже будучи киевским князем. Византийские послы поднесли ее ему вместе со святым крестом животворящего дерева, золотой цепью и бармами – оплечьями, отделанными жемчугом. Царский венец – это круглая шапка, украшенная соболиным мехом и драгоценными камнями. Позже ею венчали на великое княжение и царство всех русских князей и царей.

Высоко взлетел княжич в парчовой шапке, которого встретила много лет назад заморская красавица Гита... Жаль, что она этого уже не увидела...

При Владимире Мономахе Киевская Русь на краткий миг вернула свою былую славу. С. М. Соловьев писал о нем:

«Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворить его общественные потребности».

Да, самое интересное! Младший сын Владимира и Гиты был... Юрий Долгорукий, легендарный основатель Москвы. Через него генеалогическая цепочка ведёт от короля Гарольда к Александру Невскому и славным московским князьям, в том числе к Дмитрию Донскому. Его дети и внуки породнились со шведскими, норвежскими и византийскими королями и императорами.

Почему-то считается, что Пётр Великий первым прорубил «окно в Европу». Но за семьсот лет до него не нужны были ни окна, ни двери – Европа и Россия были практически одним огромным феодальным пространством. Но потом история распорядилась по-своему, и Россия отгородилась от внешнего мира глухой стеной. Естественно, пришлось рубить.

Хорошо, что стена была деревянной. «Железный занавес» вновь разделит эти два мира двести лет спустя...

Но это уже совсем другая история. Новая.

P.S. Замечательная по напевности и экспрессии баллада Алексея Толстого «Три побоища», к сожалению, лишь с большой натяжкой может быть названа исторической – и то потому, что героями там являются исторические личности. Поэт смешал воедино три битвы, происходившие в разное время и в разных странах. В результате, Елизавета оплакивает своего супруга Гарольда вместе с племянницей Гитой, рыдающей по отцу, причем обе они для удобства повествования находятся в Киеве. Хотя строчка «рыдает Гаральдовна Гида» почему-то стала чуть ли не хрестоматийной...

Мать слепого князя

Колокола звонили, как и положено – со сдержанной скорбью. Постригалась в монахини не абы кто – мать Великого князя Московского, Великая княгиня Софья. Но ей самой в скорбном звоне колоколов чудились иные отзвуки – райские. Притомилась – 80 лет прожила, из них чуть ли не шесть десятков в непрерывных государственных заботах, войнах, да иных скорбях великих. Пора, пора...

С трудом встала с каменных плит Вознесенского монастыря в Кремле уже не княгиня Софья – смиренная инокиня Марфа. Обвела взглядом храм и... улыбнулась. Вот и закончился ее мирской путь, теперь до Бога – несколько шагов осталось.

А ведь словно вчера все началось...

Это сейчас от Литовского княжества лишь отголоски былой славы остались, да вот инокиня Марфа – последняя законная наследница престола великого Гедемина. А тогда, в середине прошлого столетия, Великое княжество Литовское объединяло все западные и южные ныне русские земли. Граница проходила в нескольких десятках километров от Москвы. Не только что Тверь, но даже Клин были для Москвы «зарубежьем». Гедиминас ни разу не воевал ни с одним русским княжеством, но они сами присоединялись к Литве, и составили в конце концов три четверти ее территорий.

Софья родилась в Тракайском замке, когда отец ее, тогда еще княжич литовский Витовт вступил во второй брак с Анной Святославовой, великой княжной смоленской. Но ходили смутные слухи, что Софья – дочь Витовта от его первого брака с некоей Марией Лукомской, которая умерла в родах. Ибо больше детей у Витовта не было, а княгиня Анна не желала, чтобы ее считали «неплодной».

В церковной книге якобы существовала подлинная запись о крещении «младенца Софии», но известна только дата – 1371 год. Смутное, тяжелое время для властолюбивого княжича, отец которого – Кейстут – вел непрерывную борьбу за власть с претендентом на польский престол князем Ягайло.

Борьба закончилась тем, что Ягайло взял в плен, а затем убил Кейстута. Чтобы избежать такой же участи, Витовт с помощью своей жены бежал к мазовецкому князю Янушу, женатому на его сестре Дануте и обратился за помощью к магистру Ливонского ордена. Правда, пришлось перейти из православной веры в католичество, но князя Витовта такие мелочи никогда не смущали.

Ливонский Орден не замедлил воспользоваться возможностью посеять смуту в Литве и пограбить ее города и селения. Разгорелась междоусобная война, совершенно невыгодная обеим сторонам. Ягайло в 1384 г. заключил мирный договор с Витовтом, а затем, женившись на польской королеве Ядвиге, отдал ему, наконец, литовский великокняжеский престол.

Витовт номинально стал вассалом польского короля. Страна досталась опустошённой, соседи – алчные и беспокойные рыцари, не уступали им и татары, постоянно грабившие южные и юго-восточные владения. Но постепенно Витовт уничтожил систему уделов, обновил государственный строй, провел целый ряд реформ и заставил считаться с собой не только поляков и русских, но и татар и немцев.

Он всю свою жизнь стремился к созданию мощного и независимого государства, жестоко карал князей, даже своих родственников, когда нужно было обуздать беспредел удельных князей. В этой обстановке росла и набиралась ума Софья, с раннего детства верившая, что судьба предназначила ей какой-то особый удел.

Наверное, потому, что у Витовта не было сыновей, он воспитывал единственную дочь по-мужски, точно предназначал ее к государственной деятельности. Действительно, была у често-

любивого литвина такая мечта: унаследовать власть после отца, найти дочери равного ей супруга и сделать Литву самым великим европейским государством.

Потому-то до двадцати лет красавица, умница, знатного рода и с богатым приданным девица все еще была не замужем. Женихи-то вились вокруг нее уже лет восемь – как говорится, смотрели вперед. Только Витовт отвергал все предложения, даже не утруждая себя объяснениями. Он чего-то ждал.

Но когда в 1391 году в замке появился высокий, широкоплечий юноша, русоволосый, с приятным лицом, все заметили, с каким почетом принял его Витовт. Хотя не был русский князь Василий пока ни особо знаменит, ни особо силен. Зато был он сыном Дмитрия Донского, искавшим в Литве союзников.

Куликовская битва, выигранная под предводительством князя Дмитрия Донского, прославила Русь и Москву. Но Золотая Орда была еще сильна и после гибели Мамаю, убитого в одном походе, власть перешла к хану Тохтамышу, задумавшему отомстить за поражение татар на Куликовом поле.

Тохтамыш подошел к Москве неожиданно со стороны Рязани, взял и сжег Серпухов, после чего двинулся к Москве. Приближение татарского войска стало известно Дмитрию Донскому, но его погубило предательство своих же соотечественников. Каменный Московский Кремль на первых порах оправдывал свою славу неприступного. Город держался уже три дня, но...

Нижегородские князья, пришедшие с татарами, клялись москвичам, что Тохтамыш не намеревается причинить им зло и требует только, чтобы его почетно встретили с дарами. Татары уговорили открыть ворота и встретить хана крестным ходом. Когда торжественная процессия вышла из Кремля, татары убили перед городскими воротами возглавлявшего оборону воеводу, и начали убивать беззащитных москвичей.

«И можно было тогда видеть в городе, – повествует современник, – печаль и рыдание, и вопль многих, и слезы, и крик неутешный, и многое стенание, и печаль горькая, и скорбь неутешимая, беда нестерпимая, нужда ужасная, горесть смертная, страх и ужас, и трепет, и дрожание, и срам, и насмешка над христианами от татар. И был отсюда огонь, а отсюда меч; одни бежали от огня и умирали от меча, другие бежали от меча и погибали от огня; была для них четверообразная гибель: первая – от меча, вторая – от огня, третья – от воды, четвертая – быть отведенным в плен».

Страшен был вид Москвы после разгрома ее Тохтамышем. Одних трупов было погребено 10 тысяч. Но насколько прочной оказалась память о победе на Куликовом поле, настолько слабой – память о поражении.

Опять «хозяевами земли русской» стали захватчики, опять нужно было ехать на поклон к хану в Орду, чтобы получить «ярлык на княжение». В 1382 году после разорения Москвы Дмитрий Донской отправил своего старшего сына Василия в Орду *«тягаться с Михаилом Александровичем Тверским о великом княжении».*

Тохтамыш не дал Михаилу великого княжения, но и Василия под разными предлогами удерживал у себя, как заложника. Только через три года молодой князь сумел спастись бегством из плена – в Молдавию. Там в 1389 году настигло его известие о смерти отца и о том, что он получил по завещанию лучшие и сильнейшие города: Владимир, Коломну, Кострому и Переяславль. Оставалось только вернуть себе московский престол. Тут-то и возникла мысль о союзе с Литвой, который легче всего было заключить через брак.

Василий нашел и союзника, и супругу: через несколько месяцев Софья Витовтовна стала русской княгиней.

В качестве свадебных даров жене Василий пристроил новые палаты к Кремлевскому дворцу, повесил на них часы с боем, работавшие «самозвонно и самодвижно». А вот отца своего Софья увидела лишь семь лет спустя после венчания, когда приехала в 1398 в Смоленск.

Там он подарил ей икону Смоленской Богоматери Одигитрии. В 1046 ее привезла из Греции царевна Анна Мономах, в те времена – невеста черниговского князя Всеволода, сына Ярослава Мудрого. Софья увезла подарок в Москву, и он навсегда остался в России.

Еще в самом начале семейной жизни Софья спросила мужа, почему его отец, прославленный полководец, не сумел защитить Москву. И услышала, что Дмитрия Донского... в Москве не было. Он увез свою семью подальше на север от опасности, оставив вместо себя воеводу.

Гордая литвинка не могла понять, как мог поступить так владетельный князь. Ее отец непременно сам встал бы во главе обороны. И лишь когда годы спустя сама оказалась перед нелегким выбором: спасение детей или борьба с врагом, поняла своего покойного свекра. Но до этого было еще далеко...

А пока она всеми силами старалась вести себя не только как Великая русская княгиня, но и как достойная дочь своего отца, о чьих победах уже ходили легенды. И мужу неустанно твердила о государственных делах и интересах.

Уже в самом начале своего княжения Василий Дмитриевич показал, что останется верен политике отца и деда. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское. Потом к нему прибавились Муром, Городец, Мещера и Таруса. А сам князь сел на великокняжеский престол в восстановленной Москве. Рядом с Софьей, точнее, вместе с ней.

В государственных и хозяйственно-административных делах Софья была незаменимой помощницей мужу. Из 53 грамот русских великих княгинь, дошедших до историков, 10 подписаны ею. И супруг, и отец, делали ей щедрые подарки, которые Софья обращала в земельную собственность и очень мудро ею управляла. Именно ей великокняжеская семья обязана приобретением села Крылатского, где она устроила особый дом на случай приезда в Москву своего отца.

Но Софья была еще и женой: за годы долгого и счастливого брака она родила мужу девять детей: пятерых сыновей и четырех дочерей. Только вот спокойствия в делах престолонаследия так и не получалось добиться: и братья ее покойного свекра, и младшие братья ее супруга делали все возможное, чтобы отнять у Василия Дмитриевича великокняжеский престол.

Но и тут Софья была надежной опорой для своего супруга: могущество ее отца год от года возрастало, а с Москвой Литва в 1408 году заключила вечный мир. Столь прочный тыл помог Витовту пять лет спустя нанести сокрушительное поражение Тевтонскому рыцарскому Ордену в Грюнвальдской битве, а Софья смогла выдать свою старшую дочь Анну за Иоанна Мануиловича Палеолога, будущего византийского императора Иоанна VIII. К несчастью, Анна умерла родами через шесть лет после свадьбы, так и не став императрицей.

Но вообще-то отношение к Витовту во все времена было неоднозначным. Литовцы его называли и называют сейчас «Великим», в Псковских летописях он называется *«поганым отступником правья веры христианския»*, в исторических документах существует такая характеристика: «Заслужил постоянными интригами, изменами и коварством ненависть современников». Но все это было написано потом, после его смерти.

Как бы то ни было, ему удалось так устроить свои дела с Ордой, что по первому требованию к нему приходила татарская конница, а ни о каких набегах и речи не могло быть. Он был горд и высокомерен с князьями, суров для воинских начальников, взыскателен и неумолим в делах правосудия, но всегда был доступен для людей низкого звания: воинов, селян, горожан. Великие князья рязанский и тверской называли его господином и господарем, Чехия предлагала ему свою корону. Германский император предложил ему короноваться литовским королём, и Витовт согласился, но, увы, не дожил до официальной коронации. Не удивительно: ему к тому времени уже исполнилось 85 лет.

Орда отыгрывалась на Москве: в 1408 г. войска ордынского хана Едигея осадили город и... Софья с детьми бежала в Кострому. Тем самым спасла семью, но дети, рожденные до этого,

погибли от «моровой язвы» (чумы), в том числе первенец – Иван. Всю оставшуюся жизнь Софья не могла простить себе этого малодушного бегства и считала, что ее Бог наказал. Тем более что на сей раз Москва не сдалась на милость победителя, а сама одержала победу.

Князь Василий Дмитриевич умер сравнительно молодым, судя по всему, от чахотки, причем угас так быстро, что подозревали отравление – вполне обычное дело в княжеских семьях. В 1425 году Софья Витовтовна официально стала опекуной десятилетнего сына – «матерой вдовой», как тогда говорили.

Не нуждаясь больше в том, чтобы держаться в тени мужа, княгиня начала еще активнее вникать в государственные дела. Фактически она была правительницей княжества, что, разумеется, далеко не всем было по вкусу. Тем более что и правила она не только железной рукой, но и не всегда по справедливости.

Так, воспользовавшись смертью шурина – бездетного князя Петра Дмитриевича – она распорядилась присоединить к Москве его Дмитровский удел. При участии митрополита Фотия в 1428 г. вынудила другого брата мужа – звенигородского князя Юрия Дмитриевича (бывшего в то время старшим среди возможных претендентов на великое княжение) признать на престоле малолетнего Василия. Это ей удалось, в основном, потому, что согласия между братьями не было и в помине: каждый заботился только о собственной выгоде.

Достойная ученица своего отца, Софья не только была в курсе всех родственных свар, но и умело пользовалась ими. Помогал ей и авторитет отца: ни один из русских князей не решался сделать что-то вопреки ее воле, так как боялся решительных действий со стороны Литвы. Влияние Витовта на русские внутренние дела в то время было колоссальным. Но...

В октябре 1430 г. Витовт умер. Закончился период славы и самостоятельности Великого княжества Литовского.

И тут же пошатнулось положение Софьи, а, следовательно, и ее сына. Пришлось все в той же Орде, сохранившей толику прежнего влияния, разбирать тяжбу между 16-летним Василием II и его дядей, Юрием Дмитриевичем, который, нарушив слово, ранее данное Софье, предъявил претензии на великое московское княжение.

Спор был выигран при поддержке умного и хитрого московского боярина Ивана Всеволожского, посланного Софьей с просьбой помочь ее сыну. Взамен Софья обещала, что дочь Всеволожского станет женой ее сына, то есть Великой московской княгиней. «Приз» был более чем соблазнительным, и будущий княжеский тесть расстарался...

Но, как говаривалось в прежние времена, «царево слово переменчиво». Получив вожденный престол для сына, Софья передумала родниться с «обышным» боярином, и выбрала для Василия невесту познатнее, побогаче и ближе в родственном отношении к ее литовским корням – Марию Ярославну, внучку Елены Ольгердовны и серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго – княжну Марию Ярославну.

Характер у Софьи вообще был непростой. О ней говорили, что была «*нраву весьма горделивого*», что очень часто проявлялось по отношению к ее обидчикам и недругам. А случай на свадьбе сына вообще вошел во все летописные своды: княгине донесли, что ее племянник Василий, по прозвищу Косой, сын князя Юрия Дмитриевича, явился на свадьбу в золотом поясе, украшенном драгоценностями. Все бы ничего, да только пояс этот принадлежал московскому княжескому дому и был некогда украден. Потом он каким-то образом оказался у звенигородского князя, а тот вручил его сыну. Взбешенная Софья прилюдно и демонстративно сорвала этот пояс с племянника.

Отношения между родственниками от этого, разумеется, не улучшились, да и сам поступок был не слишком разумен, но Софью явно ослепил гнев и давняя вседозволенность. Обиженный Всеволожский перешел на сторону князя Юрия, Василий Косой с братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным уехал к отцу в Звенигород.

Через несколько месяцев после свадьбы начались уже вооруженные столкновения московского и звенигородского князей. В апреле 1433 года князь звенигородский разгромил войско Василия II и захватил Москву. Племянника Юрий Дмитриевич отпустил, но великого княжения лишил и дал ему в удел Коломну.

Однако возмущение всей Руси таким самоуправством было столь велико, что вскоре Юрий Дмитриевич предпочел добровольно вернуть престол Василию и удалился в Звенигород. Но Василий Косой и Дмитрий Шемяка, старшие сыновья Юрия Звенигородского, не согласились с решением отца и вернули его на московский престол. Пока шли эти схватки и интриги, Софья пыталась восстановить свое прежнее влияние на бояр. Увы, ее отца уже не было на свете, а престол выскользнул из рук единственного сына.

Правда, великий князь московский Юрий Дмитриевич правил недолго – едва ли год – и внезапно скончался. Поговаривали о яде, народ же предпочитал версию о «гневе Божьем». Простые люди отдавали предпочтение побежденному Василию Дмитриевичу – и тянулись в Коломну к «истинному государю». Внук двух великих князей – русского Дмитрия Донского и литовского Витовта – он казался народу воплощением гордого духа обоих. Звенигородских же князей недолюбливали за вечные склоки и межусобицы.

Это не помешало Василию Косому самовольно занять великокняжеский престол, что возмутило даже его родных братьев – Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. В отместку они призвали Василия II вернуться в Москву... и снова началась война за власть, где брат сражался против брата. Исход для самозваного князя оказался плачевным – он был взят в плен и по приговору московских бояр (уж не с подачи ли Софьи?) был наказан по византийскому обычаю – ослеплен.

Не раз и не два впоследствии вспомнит Софья эту казнь, вымаливая у Бога прощение за свое жестокосердие. Ибо аукнулось ей это деяние самым страшным образом.

Пока князья делили престолы, значительно усилилось Казанское ханство, до которого никому тогда не было дела. Теперь набеги на Русь начали совершать уже казанские татары, доселе смирно сидевшие на своих землях. Почти десять лет отражала Русь эти набеги, пока не случилось страшное: в 1445 году Великий князь Московский, тяжело раненый в сражении на реке Нерли, попал в плен. Ему отрубили несколько пальцев на руке, а на голове его лекари насчитали тридцать (!) ран. Софья Витовтовна выкупила чудом выжившего сына за огромную по тем временам сумму в 25 000 рублей. Но и это не было концом злоключений.

Пока Василий II находился в плену, Дмитрий Шемяка, в который раз переменявший свои убеждения, составил заговор против того, за кого еще недавно сражался. По возвращению из плена в феврале 1446 г. великий князь отправился на богомолье. Едва он выехал из Москвы, Шемяка овладел столицей, захватив в плен Софью Витовтовну и супругу великого князя Марию Ярославну.

А потом... Потом пленного князя по приказу Шемяки ослепили и сослали в Углич. Потому-то и вошел Василий II в историю со странным прозвищем «Темный» Сыновей великого князя укрыли было верные люди, но Шемяке удалось обманом заманить и их в ловушку и отправить под крепкий караул в тот же Углич.

Сторонники свергнутого и изувеченного князя укрылись в Литве, где их встретили с большим почетом. Это, естественно, не упрочило положения Шемяки: сосредоточение недоброжелательных на литовской территории угрожало крупными осложнениями и новыми военными действиями, на которые не было уже ни сил, ни средств. Василия освободили из-под стражи и дали ему в удел Вологду, куда тут же потянулся народ, как когда-то в Коломну. А тверской князь Борис, один из самых влиятельных в то время на Руси, обручил свою дочь с сыном Василия, Иваном – будущим великим князем Иваном III.

Софью Витовтовну, разлученную со слепым сыном, ее противники пытались отделить от родных, ибо страшились влияния этой нестигаемой женщины. Семидесятипятилетнюю ста-

руху сослала в Чухлому, а оттуда увезли в Каргополь – по тем временам, глушь несусветную. Лишь под давлением высших церковных властей, пригрозивших Дмитрию карой небесной, тот отпустил Софью на свободу и она добралась своими силами до Троице-Сергиевой обители, где встретила слепого сына, собиравшегося постричься в монахи Спасо-Каменного монастыря.

Ибо после ослепления никто, никогда и нигде не возвращался к активной политической деятельности, и уж тем более не возвращался на престол. К тому же сломленный своим несчастьем Василий прилюдно покаялся и целовал крест на верность Шемяке. И тут из ссылки вернулась Софья...

Подготовка к пострижению в монахи свергнутого великого Князя шла полным ходом, когда в Спасо-Каменный монастырь неожиданно прибыл игумен Макарий и уговорил князя, что при поддержке верных людей вновь появился шанс занять великокняжеский трон в Москве. Нужно было только проявить волю к победе, объединив под свои знамена врагов Шемяки.

Утром о решении было объявлено игумену Спасо-Каменного монастыря, который все понял и поддержал князя. Договорились, что Макарий отбудет в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы предупредить и подготовить местного игумена Трифона к подобающей встрече Василия Темного с семейством. Целью поездки теперь объявлялась безусловная поддержка знатного гостя в борьбе за великокняжеский престол, а, значит, и снятие с него целовальной клятвы на кресте.

Только в монашеской обители чудотворца Кирилла, имевшей давние связи с Москвой, могло произойти такое неординарное для церкви событие, ломающее все прежние традиции, ибо никто был не в праве отменять данную раз и навсегда клятву на святом кресте.

То, что произошло в тот вечер и в ту ночь на Каменном острове, Василий Васильевич Темный посчитал знаком с небес, которым впервые был отмечен его властный путь и судьба. Все в дальнейшем случилось так, как и задумали. Игумен Трифон поступил смело и решительно, принял ответственность на себя, сняв с великого князя целовальную клятву, к которой его насильно принудил Шемяка.

Благословение Макария и напутствие Трифона, сказанные от лица православной церкви, вдохнули в великого князя прилив жизненных сил, который уже не покидал «берегов» его души до конца жизни. И дни великого княжения князя Дмитрия Юрьевича Шемяки оказались сочтены...

В 1449 году, когда Шемяка вновь выступил против Василия II, поход московских войск уже носил характер почти крестового: с великим князем шло все высшее духовенство. Да и явное предпочтение, которое простой народ отдавал своему слепому государю, сыграло свою роль. На Руси всегда любили и почитали мучеников, а Василий стал им фактически еще при жизни. Шемяка бежал в Великий Новгород, без особого успеха пытался собрать новых сторонников и... внезапно скончался. Версия об отравлении его московскими стараниями, по некоторым признакам, может считаться правдоподобной. После этого к Московскому княжеству присоединились Можайск и Боровск.

Казалось, сами небесные силы покровительствовали слепому Великому князю. В 1453 году турки захватили Константинополь, бывший до этого времени центром православия, и отныне главным оплотом православия стала Русь. Народ и в этом усмотрел промысел Божий, равно как и в том, что последнее нападение татар на Москву закончилось их внезапным и необъяснимым бегством из-под стен осажденного города.

Хотя в этом заслуги Василия не было совершенно: он в это время совершал поездку по Волге. Руководили обороной его восьмидесятилетняя мать вместе с новым митрополитом Ионой. В какой-то момент татарам почудилось, что к Москве приближаются несметные полчища Великого князя: агенты, как бы сейчас сказали, Софьи постарались на славу. Город был спасен.

Результаты княжения Василия II можно характеризовать как ряд крупных успехов: увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач русской церкви, обновленная идея московского самодержавия и внутренне упроченная власть великого князя. В 1450 г. Иван, старший сын Василия II, был сделан его соправителем, его имя встречается на государственных грамотах. Только мало кому известно, что за всеми этими делами почти всегда стояла Софья – достойная дочь своего великого отца.

Василий II Тёмный вышел победителем из 20-летней борьбы за новый порядок престолонаследия. Умирая, он благословил своего старшего сына Иоанна великим княжением московским, так как город Владимир был включен в состав Московской области. На стороне Василия Тёмного были московские бояре, духовенство и народ. Все они сочувствовали новому порядку престолонаследия (от отца к старшему сыну), с которым наконец-то прекращались прежние княжеские усобицы, изрядно вредившие государству изнутри.

При нём же был постановлен митрополит, что дало русскому духовенству долгожданную независимость от константинопольского патриарха. Сама же Софья Витовтовна неоднократно участвовала в закладке церквей и монастырей, и страстно желала видеть окончание постройки Вознесенского собора в Кремле (при ней строительство было доведено до увенчания куполами).

Незадолго до конца жизни Софья Витовтовна купила село Воробьево в окрестностях Москвы (на Воробьевых горах), которое благодаря ей стало считаться дворцовым – великокняжеской, а затем и царской летней резиденцией.

Удивительно, но никто и никогда не попрекал вдовствующую княгиню её иноземным происхождением, как это произошло всего лишь полвека спустя с Еленой Глинской. Народ еще не отвык от того, что их правители брали в жены иноземных принцесс и княжон. А литвинка сделала для России куда больше, чем чисто русские жены других Великих князей.

Она тихо преставилась летом 1453 в возрасте 82 лет и была похоронена в традиционной усыпальнице русских княгинь – в Вознесенском монастыре.

Ее сын, Великий князь, еще не достиг старости, но несчастья и душевные страдания подорвали его силы. Сказались также ранения, полученные в боях с татарами. А смерть матери лишила его самого верного друга и союзника: он пережил ее лишь на девять лет.

Василий Темный хотел умереть монахом, но ему сделать этого не пришлось – не хватило времени. Он лишь успел написать духовную грамоту, утвердив великое княжение за старшим сыном Иоанном, и преставился на сорок седьмом году жизни Великим Постом 1462 года. Закончилось правление того, кто был, пожалуй, одной из самых трагических фигур русской истории.

Но начался совершенно новый этап самой этой истории.

Кремлевская деспина

– *Высокородная принцесса! Всемилостивейшая деспина! Скажи хоть слово, ведь грех-то какой...*

Принцесса Зоя Палеолог («деспина» по-гречески означало «правительница») подняла на папского легата свои бездонные черные очи, и преподобный Антонио Бонумбре онемел: таким откровенным холодом повеяло от этого взгляда. И как же просчитались в Ватикане, думая, что эта дурнушка-бесприданница, каким-то чудом ставшая невестой князя варваров – Ивана Московского – понесет в еретическую Россию свет истиной веры!

Вот только что у него, полномочного представителя святейшего Папы Римского, отобрали святой крест, под сенью которого он намеревался въехать в Москву, а деспина Зоя... то есть теперь уже княжна Софья, похоже, осталась к этому совершенно равнодушна.

– Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, – только и проронила она. – Впредь не докучайте мне мелочами.

Вот тут-то папский легат понял, что стать католическим епископом всея Руси ему вряд ли придется. Да и с распространением истиной веры среди еретиков придется повременить.

Как выяснилось совсем скоро, католичеству путь на Русь был заказан...

Детство она помнила так отчетливо, как если бы это происходило вчера. Дочь деспота Морейского Фомы Палеолога, родная племянница византийского императора Константина XII Багрянородного, принцесса Зоя, любимица родителей, предназначалась в жены какому-нибудь знатному иностранному принцу, а то и королю. С ней и обращались соответственно, как с будущей королевой, да и старшая сестра, Елена, уже была выдана за короля Венгрии. Зоя уже мечтала об еще более блестящей короне, но...

Но Византия уже погибала... Зоя с ужасом наблюдала за тем, как орды турецкого султана Махмуда II захватили Константинополь и убили императора, как затем пала родная Морейя и ее правителям пришлось спастись бегством на остров Корфу. Оттуда Фома Палеолог отправился в Рим и... фактически в его лице православная церковь рухнула на колени перед католической.

Ведь Византия, надеясь получить от Европы военную помощь в борьбе с турками, подписала в 1439 году Флорентийскую унию об объединении Церквей, и теперь ее правители могли просить себе убежище у папского престола. Фома Палеолог смог вывезти величайшие святыни христианского мира, в том числе и главу святого апостола Андрея Первозванного. Немудрено, что сам Папа взял семью Палеологов под свое личное покровительство.

Зое было пятнадцать лет, когда она осталась круглой сиротой. Ее образование взял на себя Ватикан, точнее, поручил эту деликатную миссию кардиналу Виссариону Никейскому. Грек по происхождению, бывший архиепископ Никейский, он был ревностным сторонником подписания Флорентийской унии, после чего стал кардиналом в Риме. Он воспитал Зою Палеолог в европейских католических традициях и особенно поучал, чтобы она во всем смиренно следовала принципам Католицизма, называя ее «возлюбленной дочерью Римской Церкви». Только в этом случае, внушал он воспитаннице, судьба одарит тебя всем. Однако сложилось все совсем наоборот.

Высокородная бесприданница не заинтересовала ни одного из предполагаемых женихов. Король французский и герцог Миланский даже не соизволили принять посланца Папы, ограничившись чтением послания понтифика. Кипрский король Яков только плечами пожал и даже захудалые итальянские князья, к которым, умерив притязания, направляли послов, пренебрежительно фыркали:

– Если бы ваша принцесса была хотя бы хороша собой! А эта толстая коротышка...

Да, природа не наделила Зою изящными формами и высоким ростом. Хороши были только огромные черные глаза, да нежная белая кожа. Но этого, казалось, никто не замечал, а принцесс без государства в Европе и без нее хватало. Зоя смертельно боялась, что в конце концов попадет в монастырь. Она мечтала быть невестой, но отнюдь не невестой Христовой, да еще в католическом монастыре.

И этот страх однажды заставил ее вспомнить те молитвы, которые она читала в детстве, надоумил просить Господа о том, чтобы послал ей мужа. Пусть не короля, но такого, который сумел бы по достоинству оценить ее высокородность. И ее молитвы на сей раз были услышаны...

Отчаявшись выдать свою воспитанницу замуж за доброго католика, Рим обратил взоры на Восток, на таинственную и далекую Московию, где неожиданно (хотя и весьма кстати) остался вдовцом великий князь Иван двадцати восьми лет от роду.

Иван Васильевич пятнадцать лет прожил в спокойно-счастливом браке с княжной Марией Тверской, у них был девятилетний сын, нареченный тоже Иваном, и вдруг княгиня умерла, проболев всего лишь несколько часов. Поговаривали, что скончалась Мария Борисовна из-за слишком большой доверчивости: страстно желая иметь еще детей, княгиня, по совету бабки – ворожейки, надела на себя пропитанный неким зельем пояс. Зловредную бабку так и не нашли – точно в воду канула, а великий князь овдовел. После чего и оказался весьма и весьма завидным женихом, хотя и не католиком.

Выждав приличествующий срок, Рим отправил к безутешному вдовцу посольство, состоявшее почти сплошь из православных греков – бывших подданных Византии.

Посольство, предложившее заключение брака, было принято с почестями. Укреплявший великокняжескую власть Иван III понимал, что такой брак поможет Московии повысить международный престиж, заметно пошатнувшийся за два столетия ордынского ига, и повысит авторитет великокняжеской власти внутри страны. Но с окончательным ответом не спешил и, в свою очередь, отправил в Рим собственного посла – Ивана Фрязина – «дабы невесту видети».

Смущало государя и то, что многие верховные бояре резко выступали против приезда на Русь «грекини», да еще воспитанной при папском дворе. Особенно непримиримую позицию занял митрополит Филипп, а его мнение было достаточно весомым. Переговоры по этому поводу, начавшиеся в 1469 году, затянулись на три года...

Тем временем Фрязин писал великому князю, что Зоя невысока ростом, полная, с красивыми большими глазами и с необыкновенной белизны кожей (чистота кожи как признак здоровья высоко ценилась в Московии) и неглупая девица. А, вернувшись из Рима, Фрязин привез портрет невесты в виде парсуны (изображения реального лица как святого, летописец сообщает, что Зоя была «на иконе писана») и со скромным торжеством предъявил портрет своему государю.

Великий князь мгновенно забыл и свою безвременно почившую супругу, и недовольство бояр во главе с митрополитом. Ему в жены предлагали настоящую царь-девицу: белолицую, темнобровую, с огненными глазами, черными косами и пышными формами. То, что вызывало у утонченных европейцев насмешки, восточного «варвара» привело почти в экстаз: полнота издавна считалась на Руси мерилom женской красоты. Да и дружба с Римом... Иван Васильевич, правитель острого ума, мгновенно просчитал все выгоды, которые сулил ему этот брак, и сватовство плавно покатило к счастливому итогу.

В начале 1472 года послы Ивана III выехали в Рим за невестой. В июне того же года Зоя Палеолог в сопровождении большой свиты отправилась в долгий путь на Русь, в Московию. Из Рима выехала Зоя – до Москвы добралась уже Софья: в пути греческая принцесса официально приняла православие, а на самом деле – вернулась к своей вере и вере своих родителей. Под другим именем.

Вместе с ней в Россию приехало ее «приданое», включавшее (помимо одежды и украшений) легендарную «либерию» – библиотеку, привезенную будто бы на 70 подводах (именно она вошла в историю под названием «библиотека Ивана Грозного»). Либерея включала в себя греческие пергаменты, латинские хронографы, древневосточные манускрипты, среди которых были неизвестные нам поэмы Гомера, сочинения Аристотеля и Платона и даже уцелевшие книги из знаменитой Александрийской библиотеки. То, чем пренебрегла Европа, было с радостью и благодарностью принято «варварской» Русью.

По преданию, Софья привезла с собой в подарок будущему мужу еще и знаменитый «косяной трон»: его деревянный остов весь был покрыт пластинами из слоновой и моржовой кости с вырезанными на них сюжетами на библейские темы. Этот трон, известный опять же как «трон Ивана Грозного», и ныне – самый древний в кремлевском собрании.

Обоз невесты Ивана III пересек всю Европу с юга на север, направляясь в немецкий порт Любек. Во время остановок высокой гостью в городах в ее честь устраивались пышные приемы и рыцарские турниры. Власти городов преподносили воспитаннице папского престола подарки – серебряную посуду, вина, а горожанки Нюрнберга вручили ей целых двадцать коробок конфет.

10 сентября 1472 года корабль с путешественниками взял курс на Колывань – так называли тогда русские источники современный город Таллинн, но прибыл туда лишь через одиннадцать суток: на Балтике в те дни стояла штормовая погода. Затем через Юрьев (ныне город Тарту), Псков и Новгород процессия отправилась в Москву.

Однако заключительный переход был несколько омрачен. Дело в том, что папский представитель Антонио Бонумбре вез в голове обоза большой католический крест. Весть об этом дошла до Москвы, что вызвало небывалый скандал. Митрополит Филипп заявил, что если крест ввезут в город, то он немедленно покинет его. Попытка открытой демонстрации символа католической веры не могла не беспокоить и великого князя.

Русские летописи, которые умели при описании щекотливых ситуаций находить обтекаемые формулировки, на этот раз были единодушно откровенны. Они отметили, что посланец Ивана III, боярин Федор Давыдович Хромой, исполняя поручение князя, просто-напросто силой отнял «крыж» у папского священника, встретив обоз невесты за 15 верст от Москвы. Как видим, жесткая позиция главы русской церкви в отстаивании чистоты веры тогда оказалась сильнее традиций дипломатии и законов гостеприимства. Но государева невеста пренебрегла обидой католиков: православный престол манил ее все сильнее.

Более того, принцесса повела себя, как и пристало будущей правительнице Руси. Вступив на псковскую землю, она первым делом посетила православный храм, где приложилась к иконам. Папскому легату и здесь пришлось повиноваться: последовать за ней в церковь, а там и поклониться святым иконам и приложиться к образу Богородицы по приказу деспины. А потом Софья пообещала восхищенным псковичам свою защиту перед великим князем.

Иван III, разумеется, не намеревался ни воевать за «наследство» с турками, ни тем более принимать Флорентийскую унию. И Софья вовсе не собиралась окатоличивать Русь. Напротив, она явила себя деятельной православной. И дело было не в том, что Софье было безразлично, какую веру исповедовать, наоборот. Софья, воспитанная в детстве афонскими старцами, противниками Флорентийской унии, в глубине души была глубоко православной. Она умело скрывала свою веру от могущественных римских «покровителей», которые не оказали помощи ее родине, предав ее иноверцам на разорение и гибель, но с радостью вернулась к православию, вступив на земли своего жениха.

Так или иначе, этот брак только усилил Московию, способствуя ее грядущему обращению в великий «Третий Рим». Первым сигналом стало то, что после венчания Иван III принял в герб византийского двуглавого орла – символ царской власти, поместив его и на своей печати. Две головы орла обращены на Запад и Восток, Европу и Азию, символизируя их единство, а также

единство («симфонию») духовной и светской власти. С тех пор двуглавый орел неразрывно ассоциировался с крепнущей Россией.

Софья привезла с собой и несколько православных икон, в том числе редкую икону Божией Матери «Благодатное Небо». Икона находилась в местном чине иконостаса кремлевского Архангельского собора. По традиции москвичи приносили к образу Божией Матери «Благодатное Небо» воду и лампадное масло, которые исполнялись лечебными свойствами, поскольку эта икона обладала особой, чудодейственной целительной силой. И еще после свадьбы Ивана III в Архангельском соборе появилось изображение византийского императора Михаила III, родоначальника династии Палеолог, с которой породнились московские правители. Так утверждалась преемственность Москвы Византийской империи, а московские государи представляли наследниками византийских императоров.

Ранним утром 12 ноября 1472 года Софья Палеолог прибыла в Москву, где все было готово к свадебному торжеству, приуроченному к именинам великого князя – дню памяти святого Иоанна Златоуста. В тот же день в Кремле во временной деревянной церкви, поставленной около строящегося Успенского собора, чтобы не прекращать богослужений, государь обвенчался с ней.

Византийская принцесса впервые тогда увидела своего супруга. Великий князь был молод – всего 32 года, хорош собой, высок и статен. Особенно замечательными были его глаза, «грозные очи»: когда он гневался, женщины падали в обморок от его страшного взгляда. Но на невесту он смотрел с восхищением. И она, видевшая в Риме очень мало светловолосых и светлоглазых мужчин, вопреки всем приличиям, не могла отвести от жениха зачарованного взора. Любовь с первого взгляда? Да, такое случается и при династических браках, хотя значительно реже, чем хотелось бы.

Венчание в деревянной церквушке произвело сильное впечатление на Софью Палеолог. Византийская принцесса, воспитанная в Европе, многим отличалась от русских женщин. Софья принесла с собой свои представления о дворе и могуществе власти, и многие московские порядки пришлись ей не по сердцу. Ей не нравилось, что ее державный муж остается данником татарского хана, что боярское окружение ведет себя слишком вольно со своим государем. Что русская столица, построенная сплошь из дерева, стоит с залатанными крепостными стенами и с обветшавшими каменными храмами. Что даже государевы хоромы в Кремле деревянные и что русские женщины глядят на мир из окошечка светелок.

И манера поведения супруга ей не нравилась: слишком прост для государя. Чуть ли не с первой ночи Софья начала нашептывать мужу о том, что он – прямой наследник трона византийских императоров, что не пристало великому государю выслушивать боярские попреки, да терпеть их склоки, что он должен... должен... должен...

И прежде Иван Васильевич отличался крутым характером, а теперь, породнившись с византийскими монархами, превратился в грозного и властного государя. Софья могла быть довольна: супруг оказался прилежным и понятливым учеником.

После свадьбы и сам Иван III почувствовал необходимость перестроить Кремль в могущественную и неприступную цитадель. Все началось с катастрофы 1474 года, когда Успенский собор, возводимый псковскими мастерами, рухнул. В народе тотчас поползли слухи, что беда стряслась из-за «грекини», прежде пребывавшей в «латинстве». На самом деле, виной всему был плохо обожженный кирпич.

Пока выяснили причины обрушения, Софья посоветовала мужу пригласить итальянских архитекторов, которые тогда были лучшими мастерами в Европе. Их творения могли сделать Москву равной по красоте и величественности европейским столицам и поддержать престиж московского государя, а также подчеркнуть преемственность Москвы не только Второму, но и Первому Риму.

Ученые подметили, что итальянцы ехали в неведомую Московию без страха, ибо деспина могла дать им защиту и помощь. Именно Софья подсказала мужу мысль пригласить знаменитого Аристотеля Фиораванти, о котором она могла слышать в Италии или даже знать его лично, ведь он был на родине знаменит как «новый Архимед».

В Москве его ждал особый, секретный заказ. Фиораванти составил генеральный план нового Кремля, возводимого его соотечественниками. Есть предположение, что неприступную крепость соорудили и для защиты либерии. В Успенском соборе зодчий сделал глубокий подземный склеп, куда сложили бесценную библиотеку...

Этот-то тайник и обнаружил случайно великий князь Василий III спустя много лет после смерти родителей. По его приглашению в 1518 году в Москву для перевода этих книг приехал Максим Грек, который будто бы успел рассказать о них перед смертью Ивану Грозному, сыну Василия III.

Где оказалась эта библиотека во времена Грозного, до сих пор неизвестно. Ее искали и в Кремле, и в Коломенском, и в Александровской слободе, и на месте Опричного дворца на Моховой. А теперь появилось предположение, что либерия покоится под дном Москвы-реки, в подземельях, прорытых от палат Малюты Скуратова.

Москва отстраивалась в камне и хорошела, а вот семейная жизнь Софьи протекала не слишком гладко. Нет, муж любил ее без памяти, и дня не мог прожить без своей «грекини», но... Но через год с небольшим после свадьбы Софья родила первую (быстро умершую) дочь Анну, затем еще одну дочь (также умершую столь быстро, что ее не успели окрестить), потом еще одну... Великий князь не слишком горевал по этому поводу – у него уже был законный и прямой наследник, сын от первой супруги князь Иван Младой. Но Софья-то прекрасно понимала, что люто ненавидевший ее пасынок мгновенно отправит мачеху в монастырь, случись что с великим князем. Вот если бы и у нее родился сын...

И тут одна из сенных девок великой княгини вдруг рассказала, что объявилась на Москве знатная ворожея, которая помогает зачать младенца только мужского пола. И не было-де случая, чтобы после ее ворожбы рождались девки. Софья сперва загорелась мыслью встретиться с этой ворожеей и... Даже попросила сенную девку устроить эту встречу. А потом решила с мужем посоветоваться: все-таки она не просто горожанка, а супруга великого князя. Как бы впросак не попасть в чужой-то стране, не зная обычаев. И чуть не умерла от страха, когда, не дослушав ее, супруг яростно закричал:

– Да я тебя в темницу заточу, дуру непроходимую, в подземелье сгною, окаянную, плетью велю на площади выстегать прилюдно, своими руками придушу, если ты с какой-нибудь ворожейкой свяжешься!

Софья от страха разрыдалась. А слез жены великий князь спокойно видеть не мог. Поцеловал, приласкал и уже спокойно объяснил, отчего так разгневался. Тут-то Софья и узнала, от чего скончалась первая супруга ее мужа. А узнав, перепугалась еще больше. Тогда-то, может, злого умысла и не было, а теперь точно кто-то хочет извести «грекиню», воспользовавшись ее мечтой родить сына.

Страх смерти воскресил в ней воспоминания о византийских тайнах и хитростях, среди которых прошло ее детство. Не отдала она сенную девку на расправу палачам, как сперва хотела, а ласково вызнала, откуда та узнала про ворожею. Впрочем, об ответе она и сама могла бы догадаться: от слуги князя Ивана Младого. И снова Софья сдержала себя, не кинулась к мужу с жалобой на пасынка, а лишь стала еще осторожней. Береглась, как могла: ввела в штат своих придворных особых отведывателей пищи (вещь доселе на Руси неслыханная, но совершенно обыденная при византийских дворах). Окружила себя гречанками и итальянками, сделав исключение только для русских жен своих греческих приближенных.

И... улыбалась. Улыбалась всем и каждому, так, что казалось: эта улыбка намертво приклеена к лицу великой княгини. А уж с мужем и подавно всегда была кротка и весела, но как-

то сумела сделать так, что супруг постепенно стал советоваться с нею в принятии любых государственных решений. С детства усвоенные византийские дипломатические приемы отлично прижились на благодатной российской почве, да и влияние великой княгини на супруга было огромным. Бояре попритихли. А через семь лет после свадьбы, 25 марта 1479 Софья родила, наконец, сына, будущего князя Василия III Ивановича.

И поняла, что вся ее борьба не только за власть, но и за выживание еще впереди. Иван Младой, сам к тому времени женившийся и ставший отцом, по-прежнему мечтал извести ненавистную мачеху.

Пасынка же ее вечная улыбочка бесила. На каждом углу ворчал, что в Кремле проходу не стало от иностранцев. И доворчался. Софья ласково объяснила своему супругу, что старые кремлевские покои и впрямь тесны и неудобны, что надобно строиться заново – в камне, на века!

И в Кремле закипела перестройка, которой руководили те же итальянцы. А кому, как не им? Успенский собор Фьорованти возвел так, что он стал знаком преображения и возвышения Руси. Отныне только здесь венчали на царство, сочетали браком высоких особ, проводили самые важные богослужения.

В 1491 году была сооружена Грановитая палата, попасть в которую можно было только через роскошное Красное крыльцо. Перестраивались в камне и остальные кремлевские сооружения, возводились заново стены и башни вокруг самого Кремля. Был построен Архангельский собор. Но – и это было, пожалуй главным, – незаметно, исподволь менялся сам уклад жизни при царском дворе. Кремлевская деспина мечтала возродить на Руси пышность и сложность византийских дворцовых церемоний. Что ж, ей это вполне удалось.

Удалось прежде всего потому, что Софья внушила не только своему мужу, но и всем боярам основную мысль: она, византийская принцесса, через брак делает московских государей прямыми преемниками византийских императоров – со всеми интересами православного Востока, каких придерживались за этих императоров. Именно отсюда идет поговорка – «Москва – Третий Рим». Потому-то Софью все-таки ценили и уважали в Москве, потому-то она и сама гордилась не столько тем, что стала великой княгиней московской, сколько тем, что была урождена принцессой византийской.

В Троицком Сергиевом монастыре до сих пор хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, когда она уже прожила в замужестве больше четверти века – в 1498 году. Софье, кажется, пора уже было забыть и про свое девичество, и про прежний титул, но в подписи на пелене она все еще величает себя «царевною царегородскою», а не великой княгиней московской.

Это не просто родовая гордость – это еще и большая политика. Софья, как царевна, пользовалась в Москве правом принимать иноземные посольства – дело на Руси неслыханное. Но ведь она была урожденной Палеолог, о чем никому и никогда не позволяла забыть. И браком с великим князем московским подчеркивала, что, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву – новый Царьград – где и разделяет их со своим супругом.

Супруг же действительно почувствовал себя преемником и наследником византийского трона. При московском дворе постепенно стал заводится тот сложный и строгий церемониал, который и придал в конце концов невероятную чопорность и натянутость придворной московской жизни. Мало того: и во внешней политике князь Иван Васильевич почувствовал себя несравненно более великим и могучим, особенно после того, как чудесным образом, само собою, без бою рухнуло ордынское иго, тяготевшее над северо-восточной Русью два с половиной столетия.

В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая мос-

ковским дьякам прежних лет. Между прочим, для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замедлили подыскать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Много исконно русских земель еще оставалось за Литвой и Польшей, но Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру помпезный титул «Государь всея Руси». И – опять же впервые – в дипломатических бумагах появляется слово «царь» – сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова цесарь, или кесарь. Это – славянский перевод византийского императорского титула.

Брак с Софьей позволял Ивану III считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов. Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему «не пригоже» называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, Божию милостью государь всея Руси».

Но московским политикам начала XVI века мало было брачного родства с Византией: хотелось породниться и по крови, притом с самым корнем или мировым образцом верховной власти – с самим Римом. В московской летописи того века появляется новое родословие русских князей, ведущее их род прямо от... императора римского. Составилось сказание, будто Август, кесарь римский, обладатель всей вселенной, когда стал изнемогать, разделил вселенную между братьями и сродниками своими и брата своего Пруса посадил на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, что и доньше по имени его зовется Прусской землей, «а от Пруса четырнадцатое колено – великий государь Рюрик».

Вот так и пишется история, так и создаются легенды о знатнейшем происхождении того или иного рода. Цари в этом плане – не исключение, и человеческое тщеславие им свойственно не меньше, чем любому простому смертному из числа их подданных.

Какое-то время Софья Палеолог поддерживала связи со своей семьей. Дважды в Москву с посольствами приезжал ее брат Андреас, или Андрей, как называют его русские летописи. Приводило его сюда прежде всего желание поправить свое материальное положение. И в 1480 году ему это в какой-то мере удалось: он выдал замуж свою дочь Марию за князя Василия Вереяского, родного племянника Ивана III. Но этот брак едва не стал причиной опалы для самой Софьи.

Ее пасынок, Иван Младой, женился на дочери Стефана Великого, господаря Валахии (Молдавии), который был старинным другом и союзником Великого князя Московского. Так что Елену Волошанку приняли при дворе с распростертыми объятиями, осыпали милостями и подарками, а уж когда она через девять месяцев после свадьбы родила сына, гордости и радости Ивана Васильевича не было предела. Специальным указом он повелел считать Ивана Младого единственным и законным наследником, «а буде он скончает живот свой, то быть после него великим князем сыну его Димитрию...»

Конечно, такой порядок престолонаследия был спасительным для Софьи: ни ей, ни ее сыновьям (а всего она родила пятерых, дочери – не в счет) уже не угрожала физическая расправа. Но расстаться с мечтами о троне для своего первенца Софья не могла, да и не хотела. И тут, как нарочно, грянула буря: в честь рождения внука Иван Васильевич преподнес своей невестке драгоценное ожерелье (так называемое «саженье»), принадлежавшее его первой супруге. То есть объявил, что жалует любезную ему сноху этой драгоценностью, но... Но ожерелья в царской казне уже не было: Софья Фоминишна подарила его своей племяннице, молодой княгине Вереяской.

«...Восхоте князь великий дарити сноху первой своей великой княгини саженьем, и просил у той второй княгини великой римлянки. Она же не даст, понеже много истеряла казны великого князя; брату давала, кое племяннице давала, и много...», – так, не без злорадства, описали многие летописные своды это событие.

Разгневанный Иван III потребовал от Василия Верейского вернуть сокровище и после того, как последний отказался сделать это, хотел заключить его в тюрьму. Князю Василию ничего не оставалось, как вместе с женой Марией бежать в Литву; при этом они едва ушли от посланной за ними погони.

Софья Палеолог допустила очень серьезный промах. Великокняжеская казна была предметом особых забот не одного поколения московских государей, которые старались приумножать фамильные сокровища. Летописи и в дальнейшем допускали не очень доброжелательные отзывы в адрес великой княгини Софьи. Видимо, иноземке было трудно постигать законы новой для нее страны, страны со сложной исторической судьбой, со своими традициями. А великая княгиня, следуя византийским традициям, тратила немалые средства на подкуп бояр, дабы обеспечить поддержку себе и своим детям.

Об этом ее супруг, к счастью, не дознался. Тогда Софья отделалась, что называется, легким испугом. Но второй случай был куда серьезнее. Внезапно и тяжело заболел старший сын Ивана Васильевича, Иван Младой. Софья же приглашала из Италии не только зодчих, но и врачей для семьи великого князя. А занятие врачеванием было тогда очень опасным для иностранцев, особенно когда дело касалось лечения первого лица государства. Требовалось полное выздоровление высочайшего пациента, в случае же смерти больного у самого врача отнималась жизнь.

Так, лекарь Леон, выписанный Софьей из Венеции, поручился головой, что вылечит князя Ивана Малого, у которого на ногах невыносимо болели гноящиеся, кровоточащие язвы. Однако лечение не помогло: наследник умер, а лекаря, в соответствии с его собственным самонадеянным желанием, казнили. Но народ обвинил в смерти молодого князя Софью: ей особенно могла быть выгодна смерть наследника.

Над головой Софьи нависли грозные тучи: начались распри по поводу наследника престола. У Ивана III от старшего сына остался внук Дмитрий, Софья же мечтала о троне для своего старшего сына Василия. Кому из них должен был достаться престол? Эта неопределенность стала причиной борьбы между двумя придворными партиями – сторонниками Дмитрия и его матери Елены Волошанки и сторонниками Василия и Софьи Палеолог.

К моменту начала спора о наследнике престола Елена Волошанка была великой княгиней тверской, личностью с немалыми политическими амбициями: она желала видеть своего сына на троне и не гнушалась ради этого никакими средствами, в том числе, и не слишком чистыми.

«Грекиню» обвинили в нарушении законного престолонаследия. В 1497 году недруги наговорили великому князю, будто Софья хочет отравить его внука, чтобы посадить на престол собственного сына, что ее тайно посещают ворожеи, готовящие ядовитое зелье, и что сам Василий участвует в этом заговоре. Иван III принял сторону внука, арестовал Василия, ворожей велел утопить в Москве-реке, а жену от себя удалил, демонстративно казнив нескольких членов ее «думы». Уже в 1498 году он венчал в Успенском соборе Дмитрия как наследника престола.

Ученые считают, что именно тогда зародилось знаменитое «Сказание о князьях Владимирских» – литературный памятник конца XV – начала XVI веков, где повествуется о шапке Мономаха, которую византийский император Константин Мономах будто бы прислал с регалиями своему внуку – киевскому князю Владимиру Мономаху. Таким образом доказывалось, что русские князья породнились с византийскими правителями еще во времена Киевской Руси и что потомок старшей ветви, то есть Дмитрий, обладает законным правом на престол.

Однако способность плести придворные интриги была у Софьи в крови. Она сумела добиться падения Елены Волошанки, обвинив ее в приверженности ереси. Масла в огонь добавил сам царевич Дмитрий, который весьма самоуверенно называл себя «царем» и уже приказывал чеканить собственные монеты с изображением двуглавого орла и весьма мало считался с мнением деда, не скрывая, что ждет не дождется его кончины.

Как ни странно, князь Иван Васильевич стерпел эту дерзость внука, но не стерпел другое. За четыре года до начала этих распрей выписал он из Италии пушкарей, серебряных дел мастеров и других ремесленников, а те все не ехали и не ехали. Елена Волошанка не раз ядовито намекала, что свекровь по старческой забывчивости никого и не выписывала. И вдруг ведомо стало князю Московскому, что мастера те уже давным-давно трудятся на его свата, господаря Стефана Валашского, отца Елены. Узнав, как провели его сноха и сват, Иван Васильевич разгневался не на шутку. Невестка и внук оказались в жесткой опале, а в 1500 году великий князь Московский нарек сына Василия законным наследником престола.

Но не случайно современники этой великой княгини отмечали, что она «была ума весьма горделивого», намекая на исключительную хитрость. Через два года после раскрытия заговора Иван III не только снял «опалу» с жены и сына, но и старые «обычай переменял», удалился от бояр и, по их словам, «запершыся, у постели теперь всякие дела решал». По наущению Софьи Елена Стефановна вместе с коронованным в 1498 г. на царство сыном Дмитрием были брошены в заточение, где впоследствии и умерли.

Кто знает, по какому пути пошла бы русская история, если бы не Софья! Но Софье выпало недолго наслаждаться победой. По иронии судьбы, как только миновала опасность для жизни, кончились дворцовые интриги, великая княгиня словно погасла. Она отвыкла жить спокойно, выдержала только год и умерла в апреле 1503 года. Последняя принцесса из рода Палеолог была с почетом похоронена в великокняжеской усыпальнице Вознесенского женского монастыря в Кремле.

Иван III умер два года спустя, и в 1505 году на престол взошел Василий III.

В наши дни ученые сумели восстановить по черепу Софьи Палеолог ее скульптурный портрет. Перед нами предстает женщина выдающегося ума и сильной воли, что подтверждает многочисленные предания, сложенные вокруг ее имени. Но больше всего поражает ее внешнее сходство с Иваном Васильевичем Грозным – ее знаменитым внуком.

Кровь – действительно великая сила. Византийка сумела передать ее через поколения, как сумела воистину сделать Москву Третьим Римом.

Прекрасная литвинка

Как она рыдала! Как билась в руках у ближних боярынь, рвала на себе волосы, царапала лицо! Как кидалась на грудь к супругу своему – еще утром Великому князю Всея Руси Василию Ивановичу, а теперь – преставившемуся схимнику Варлааму. Успели Великого князя перед кончиной в монахи постричь, а она, супруга его любимая, мать двоих долгожданных сыновей оставалась вдовицей неутешной, горькой...

И даже самый внимательный взгляд не различил бы в причитаниях и рыданиях княгини Елены Васильевны нотки истерического смеха. Она была свободна! Она могла любить того, кто был светом ее очей уже много лет. И – главное – она могла править! Сама править этой великой державой, этой загадочной Русью, княгиней которой стала по капризу уже немолодого Великого князя. Ныне – покойного...

Князь Михаил Львович Глинский на своем веку много повидал: и ласку государеву, и опалу, и даже в темнице под кремлевской башней сиживал. Возрос и возмужал он при дворе германского императора Максимилиана, затем служил Альбрехту Саксонскому, а будучи в Италии, даже принял католичество. Не помогло: польский король Сигизмунд «московита» все едино не жаловал, наоборот, отобрал все должности и владения. Пришлось князю со всей семьей бежать в Москву – к великому князю Василию III Ивановичу. А тот повелел новому своему слуге немедля идти «поляков воевать», ибо зарился король Сигизмунд на исконно русские владения.

Михаил Глинский не оплошал: поляков побил и, победно пройдя через всю Литву, вступил в Великий Новгород. За то великий князь Московский пожаловал его городами Малым Ярославцем и Медынью, да еще полки дал для обережения литовской вотчины. С этими полками Глинский отвоевал у поляков Смоленск и уже видел его своим городом, да только...

Смоленска великий князь ему не дал, и Глинский, в обиде великой, тайно написал польскому королю, что готов служить ему верой и правдой. Да только перехватили то письмо шпионы великого князя и угодил Михаил Львович на полгода в подземную темницу. А, выйдя оттуда, зарекся королям и великим князьям служить, построил себе под Москвой усадьбу и засел там бирюком – с женой и чадами, вдовой брата Василия Анной и ее единственной дочерью Еленой, которую воспитывал, как родную.

В этой-то усадьбе и увидел великий князь Московский свою будущую супругу, когда после долгой охоты в местных лесах заехал к полуопальному боярину...

Большинство летописцев согласно указывают, что в последних числах ноября 1525 года великий князь Василий III развелся со своей женой – великой княгиней Соломонией после примерно двадцати одного года совместной жизни. Причина развода – отсутствие наследников, «бесплодие» супруги.

Первая Псковская летопись рассказывает об этом событии весьма красочно: «... а великому князю своя бысть кричина о своей великой княгине. Того же лета поехал князь великий, царь всея Руси в объезд... и возревши на небо и видев гнездо птиче на древе, и сотвори плач и рыдание велико, в себе глаголюще: люте мне, кому уподобихся аз? Не уподобихся ни ко птицам небесным, яко птицы небесны плодовицы суть, ни зверем земным, яко звери земные плодовицы суть, ни уподобихся никому же... И приехал князь великий той осени из объезда к Москве и зачаша думати со своими бояры о своей великой княгине Соломониши, что не плодна бысть, и нача с плачем говорить к боярам: кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и делах? Братьям ли дам, ино братья своих уделов не умеют устраивать!.. И начаша бояре говорить: князь де великий государь! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда... И повеле ю пострищи в черницы»

Двадцать лет терпел подле себя Василий Иванович «бесплодную смоковницу», супругу свою законную, потому что не было тогда на Руси женщины краше Великой княгини. Когда великий князь решил жениться, собрали со всего княжество полторы тысячи самых пригожих девиц, а выбор пал на Соломонию Сабурову. Остальные девицы обручились с дружинниками, да знатными боярами, и уже через месяц в Москве праздновали полторы тысячи свадеб.

Но вот узрел великий князь Елену Глинскую – темноволосую, синеглазую, с точеными тонкими чертами лица и вишневым ртом... На русских белотелых, пышных плаксивых и не в меру стыдливых боярышень она ни капельки не походила: выросла в Ливонии, где нравы были иными. Мужчин не дичилась ни капли, любила верховую езду, танцы да охоту, в ненастные вечера читала книги: знала княжна немецкий и польский языки, говорила и писала по-латыни. Рукоделие не жаловала вовсе. Глянула на Василия Ивановича – и пропал почти пятидесятилетний, крепкий мужчина, теперь все его мысли были только о «прекрасной литвинке».

И, конечно, о том, как расторгнуть первый брак. Насильственное пострижение великой княгини Соломонии произошло в Рождественском монастыре, возле современной Трубной площади. Синодальная летопись уточняет: «...и послал в Суздаль к Покрову в девичь монастырь; а постриг ее на Москве, у Рождестве Пречистые за Пушечными избами в девиче монастыре Никольский игумен Давид».

Развод великого князя (да и развод вообще!) был беспримерным шагом для Руси того времени. Во-первых, уход в монастырь одного из супругов дозволялся православной церковью лишь при обоюдном согласии обоих; во-вторых, ни о каком новом браке при живой первой жене и речи быть не могло! Если вообще второй брак (после смерти жены или мужа) церковь допускала с трудом, считая его «полузаконным», то этот никаким образом не мог быть оправдан и расценивался как прелюбодеяние.

Против Василия III резко выступила часть боярства и духовенства, тем более что решение о женитьбе на Елене Глинской означало приближение к трону ее родичей и утрату реального влияния на государственные дела и Сабуровых, родственников Соломонии, и братьев великого князя – Юрия и Андрея Ивановичей, уже привыкших считать себя прямыми наследниками престола московского. Да и сама Соломония отнюдь не смирилась со своей отставкой.

Современники вспоминали, что бывшая великая княгиня от пострижения отбивалась, сорвала с себя и топтала ногами монашеский куколь. Возмущенный этим недостойным поступком, Иван Шигоня, один из ближних бояр великого князя, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичом, прибавив:

– Неужели ты противишься воле Государя? Неужели медлишь исполнить его повеление?

После этих слов она, упав духом, громко заявляет в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению, и призывает Бога в мстители столь великой обиды. Ее сослали в Суздаль, но уже через несколько месяцев поползли слухи, что Соломония беременна и вот-вот родит. Бесплодная-то?! Но в любом случае, родись у нее сын, именно он становился законным наследником престола московского.

Василий Иванович поспешил обвинить бывшую супругу в «непотребном блуде», но... и только. Хотя подобные вещи сурово карались церковью: беременные монахини (старницы) подвергались жесточайшему наказанию вплоть до смертной казни с неродившимся дитем. Но старицу Софию (под таким именем постригли Соломонию) никто не тронул. По слухам, она родила сына Георгия и надежно спрятала его... при монастыре (?!). Любопытствующим же отвечала, что младенец помер.

Возможно. Предполагаемый сын Соломонии и Василия мог родиться в июле, самое позднее – в августе 1526 года. А в сентябре этого года, через месяц или два, Василий сделал старице Софье поистине царский подарок.

«Се яз Князь Великий Василий Иванович всеа Руси пожаловал есми Старицу Софью в Суздале своим селом Вышеславским с деревнями и с починки...»

По какому случаю такой подарок опальной «старнице»? За «обиду» развода? Или – как утешение в смерти сына? Ведь подобные подарки – села с деревнями и землями – получали великие княгини от своих супругов в случае рождения наследников! А новая государыня могла и не забеременеть от мужа, который был на тридцать с лишним лет старше нее. Тем более что Соломония прокляла княжну Елену, а всем известно: хуже нет, когда проклятья бывшей, брошенной жены несутся вслед новобрачной.

Сама Елена, впрочем, на все это обращала мало внимания. После свадьбы супруг почти мгновенно оказался под каблучком ее маленьких сафьяновых сапожек. Уже пожилой, по меркам того времени, великий князь Василий Иванович сбрил бороду и переменял полувизантійскую – полутатарскую одежду на польский кунтуш. Бояре обомлели от такого зрелища: не водилось на Руси никогда, чтобы муж скоблил лико в угоду своей супруге, а ей позволял присутствовать и при приемах иностранных послов, и при торжественных трапезах.

Не только бояре – весь народ впал в великое изумление. До сей поры видеть великую княгиню не мог никто: на люди она не выходила, в город выезжала только в наглухо закрытом возке, а если в дворцовых покоях кто-то по неосторожности оказывался на пути великокняжеской супруги, то немедля падал ниц и не вставал, пока государыне не проследует мимо него.

Возле Василия Ивановича тотчас же появились новые люди – прежде всего родственники, друзья и подруги его юной жены, веселые, молодые, совсем непохожие на степенных, молчаливых, скучных бояр, окружавших его недавно – старых, бородатых, одетых в длиннополые ферязи. Теперь около великого князя были братья Елены – Михаил и Иван, их жены – Аксинья и Ксения, и целый выводок молодых красавиц, боярынь да боярышень великой княгини – сестер Челядниных, Третьяковых, княжон Волынской и Мстиславской.

Ближе прочих была Глинской Елена Федоровна Челяднина – родная сестра князя Ивана Федоровича Овчины-Телепнёва-Оболенского – красавца, храбреца и прекрасного военачальника, украдкой бросавшего влюбленные взоры на молодую великую княгиню. И бросал он эти взоры (а по сплетням – не только взоры бросал) всю жизнь, ибо пережил свою государыню очень ненадолго.

А великая княгиня все так и оставалась «порожней». При дворе уже открыто поговаривали, что государь потомства иметь не может, что и первая его супруга забеременела в монастыре неизвестно от кого и родила не наследника престола, а обыкновенного «выблядка» (тогда еще это слово матерным и зазорным не считалось, просто означало суть явления). Во всех монастырях молились за появление сына у великого князя, во всех церквях ставили за это свечи. Но лишь три с лишним года спустя, после очередного паломничества в Троице-Сергиев монастырь Елена Васильевна сообщила супругу долгожданную весть: «зачреватела» она.

Василий Иванович так и бухнулся перед святыми иконами: свершилось! От него, от него понесла законная молодая супружница, теперь, если Богу будет угодно, родит законного сына и такого долгожданного наследника. О том, что у него может народиться дочь, «молодой» отец и не помышлял: только сын! А как народится чадо, то и помирать можно спокойно: родня у великой княгини сильненькая, вдову с ребенком защитить сумеют. А может, и сам он еще поживет, порадует на подрастающего сыночка. А то и на второго. Хотя... пусть Бог хоть какое испытание ему посылает, за сына долгожданного и пострадать не жалко.

Великая княгиня родила сына в пятницу, как раз в тот день, когда вихрь небывалой силы в жгут скрутил крест на Архангельском соборе и основательно разрушил постройки Чудова монастыря. И тут же поползли слухи, что это – черти празднуют бесовскую свадьбу, и что младенец родился с дьявольской отметиной, так что надобно ожидать на Руси бед великих, ежели унаследует он отцовский престол.

А государево чадо тем временем окрестили Иваном, в честь же его рождения счастливый отец повелел возвести в селе Коломенском под Москвою каменную церковь, да такую, какой нигде и никогда не бывало. И денег мастерам отсыпал – изрядно. Дива не было, что через

полгода взметнулись над излучиной Москва-реки белокаменные стены, увенчанные огромным шатром. А позлащенные купола сияли так, что были видны за двадцать верст – от самой перестольной. Подобного храма Русь еще не видела – един он был, храм Вознесения, возведенный в честь будущего государя Ивана Васильевича, Ивана Четвертого, Ивана Грозного...

Вот только на освящение храма великий князь приехать не смог: скрутила в одночасье лихоманка. Вместо него поехала... великая княгиня Елена Васильевна в сопровождении боярина Ивана Овчины-Телепнева – Оболенского. Была, конечно, при ней многочисленная свита, да злые языки трепали только одно имя – княгинино полюбовника. Нужды нет, что его сам государь к супруге в телохранилище определил: всем известно, что отказать княгине Елене державный супруг ни в чем не может. Кто знает, может, и царевич-то Иван вовсе не Васильевич, а... Иванович. И не царевич вовсе, а выbleядок...

Шептались об этом с опаской: государь по-прежнему был крут нравом и за такие речи мог любого живота лишить. Тем более что через год с небольшим после рождения Ивана великая княгиня родила второго сына – Юрия. Увы, младший царевич не обладал богатырским здоровьем и вообще, как выяснилось чуть позже, был глухонемым и не вполне нормальным – «несмыслен и прост». Никого он особенно не интересовал, посему довольно благополучно прожил довольно долгую по меркам тех времен жизнь, причем в четырнадцать лет его женили на боярышне из влиятельного рода Палецких, дали в удел город Углич, а со временем чинно погребли в Архангельском соборе в Москве.

Великий князь Василий Иванович особо не скорбел, что младший сын у него убогонький: сам же молился перед иконами, клялся, что любое испытание достойно примет. Вот Бог и послал ему испытание. Зато старший сынок рос на радость родителям здоровым да смысленным, а любимой его игрушкой было подаренное отцом золотое яблоко – миниатюрный символ державы, которое он с превеликой охотой запускал то в зазевавшуюся курицу во дворе, то в недостаточно низко склоненный боярский лоб в тереме. Резвилось дитя...

Однако детство его было безоблачным лишь первые три года: в 1533 г. отец царевича занемог.

Началось все, как обычно бывает, с пустяка: поехал государь на охоту, слегка простыл и на левом бедре вскочила у него багровая болячка с булавоочную головку. По ходу путешествия царь еще бывал на пирах у местной знати, но выпивалось уже без удовольствия и до бани доходилось «с нуждой». Охота не ладилась, зверь непонятным обычаем ускользал. Сначала царь еще выдерживал пару верст в седле, потом и за столом сидел на подушках, а там и слег вовсе.

Приехал тесть – Михаил Глинский – с двумя иностранными врачами. Стали они прикладывать к болячке верное средство – пшеничную муку с пресным медом и печеным луком. Болячка стала «рдеть и загниваться», лекари уже только руками разводили.

С охоты Василия Ивановича везли уже в крытых санях. По дороге нарыв прорвало, из боку выскочил гнойный стержень чуть ли не в аршин длиною и вытекло больше таза гноя. Опухоль спала и появилась надежда на полное выздоровление и благополучное возвращение в Москву. По дороге в храмах великий князь слушал службы, лежа на паперти – стоять не мог.

В Москву въехали тайно, да не в саму столицу, а в подмосковное село Воробьево, где был летний дворец. Какое-то время ушло на то, чтобы соорудить особый мост через Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Строили очень быстро, поэтому при въезде великокняжеского возка мост обломился. Стража еле успела подхватить возок на руки и обрубить упряжь. Въехали в Москву на пароме, а в Кремле Василий Иванович призвал к себе ближних бояр и объявил им свою последнюю волю:

«Князю Михайле Глинскому, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрья кровь свою пролить и тело свое на раздробление дать, коли нужда будет... Князю

Ивану Овчине-Телепневу-Оболенскому помогать князю Глинскому, да вдовой великой княгине держать государство под сыном до его возмужания».

Последние часы Василия прошли в усилиях спасти душу: его успели постричь в монахи под именем Варлаама. Скончался он в ночь со среды на четверг 3 декабря 1533 года. Елену Васильевну, обессилевшую и полумертвую от слез, унесли в ее покои, откуда она не выходила до похорон.

После отпевания и похорон государя, после сороковин короновали на царство малолетнего Ивана, которому принесли присягу все, даже родные дядья, которые вроде бы навсегда отказались от мечты о власти. Но Елена Васильевна подозревала, что все это – только слова, и что на деле и ее жизнь, и жизни ее детей висят на тонюсеньком волоске: боярская Дума признавала только власть Великого князя, да не всякого, а показавшего себя крутым и бескомпромиссным владыкой. Какой владыка из Ванюшки, когда он еще за материнский подол держится?

И на дядюшку своего Елена особенно не уповала: знала, что на жизнь внучатого племянника он, конечно, не посягнет, а вот власть отобрать очень даже сможет. Вдовую племянницу – в монастырь, малолетнего государя – под свою неусыпную опеку. А молодой вдове еще только-только двадцать пять лет исполнилось, ей жить хотелось, любить, править. И то сказать: для того ли черной магией грешила, порчу на супруга наводила, душу свою губила, чтобы до конца дней черным клубуком укрыться? Она – не Соломония, терпеть не будет.

Да, ворожила Елена Васильевна, знахарок да колдунов привлекала, лепила фигурки из воска, нарекала их кощунственно человеческим именем и... Да что расписывать, как порчу наводить, про то на Руси испокон веку любая баба знала и каждая третья – умела.

А вот привораживать к себе колдовскими средствами надобности не было: всякий, кто хоть раз видел ангельски-прекрасный лик великой княгини, попадал под его власть, никогда не мог забыть. А иным и нужды не было забывать: года не прошло со смерти Василия Ивановича, как князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский чуть ли не открыто стал вхож в опочивальню великой княгини...

Сама она большого греха в том не видела: вдова – не мужняя жена и не девка, себя блюсти строго не обязана. Да только в народе поговаривали, что «литвинка» ворожбою извела государя, теперь вот присушила к себе первого красавца на Руси и вообще – не от него ли и чада ее? Вон как государь малолетний, Иван свет Васильевич на боярина Овичну-Телепнева-Оболенского похож: одна статья, одна походка и в профиль ястреба напоминает... Тому ли государю присягали? И не возжелает ли молодая вдова с любовником обвенчаться? Тогда на престо уж точно воссядет не Рюрикович (пусть и сомнительный). Того ни Шуйские, ни Воротынские, ни, разумеется, Глинские допустить не могли.

А то, что Елена в правление государством стала открыто вмешиваться, и вовсе переполнило чашу боярского терпения. Ладно бы баловалась зодчеством, сия забава государыне не в укор, да и кирпичная стена, опоясавшая Китай-город, была куда как хороша. Но боярская Дума и ахнуть не успела, как увидела великую княгиню Елену единоличной правительницей России на правах регентши при малолетнем Иване. Пробовали заговоры устраивать, но хитрая литвинка наводила Москву своими шпионами и многие заговорщики оказались в подземных казематах, а иные и головы лишились – «страху другим ради».

А немного погодя Елена стала открыто тяготиться навязчивой опекой дядюшки. Поначалу ловко уворачивалась от встреч с ним, ссылалась на нездоровье, да недосуг. Раз стерпел князь Михаил, другой, а потом отшиб от порога сенных девок да ближних боярынь и вломился прямо в светлицу к строптивой племяннице.

– Что надобно, Михаил Львович? – с досадой осведомилась та.

Князь Глинский, вместо того, чтобы челом государыне ударить, приосанился, хотя и без того чем-то напоминал вставшего на дыбы медведя и рыкнул могучим басом:

– Давно я хочу тебе сказать, Елена Васильевна... Пошто пришлых привечаешь, а родной крови на порог указываешь? Не по обычаям это...

– О каких пришлых глаголешь, Михаил Львович?

Государыня так сжала руки в кулак, что огромный рубин на перстне врезался в нежную ладонь. Но она даже не ощутила боли, чувствуя, как захлестывает ее волна темного бешенства.

– О каких? А Ванька Овчина...

– Князь Иван верховный боярин, поди сам ведаешь. Главный он в Думе...

– И на ложнице твоей главный? – захохотал во всю мочь Михаил Львович. – Ты на меня, племянница не злись, губы-то не кусай. Я тебе вместо отца почитаю уже лет десять буду, кто тебе еще правду скажет? С конюшим в своих покоях по ночам обжимаешься, а Москва зазорными слухами полнится. Неужто тебе не грешно, девка?

– Я тебе не девка, а Елена Васильевна, – с ледяным спокойствием ответила государыня.

Рубин уже рассек кожу и тонкая струйка крови сбегала меж пальцев. Но лицо княгини оставалось бесстрастным

– Ты помнишь, что тебе супруг покойный наказывал? За меня держаться, за Глинского! А ты брачное ложе осквернила. Думаешь, Ивашка любви твоей добивается? Власти он хочет, чтобы в Думе нами, твоими родичами, помыкать! Не верь ты ему, племянница. Знаешь, что он на пирах хмельных о тебе говорит?

– Пошел вон, пес!

– Вона как заговорила! Забыла, чей хлеб вкушала до своего замужества?

– Не позабыла. И тебе, холоп, за то сполна воздам. Эй, люди! Ведите князя в подвал Боровицкой башни! А не пойдет честью – волоките, как последнего вора. Пусть он там в железах мой хлеб до конца своей жизни вкушает.

Вскоре к Глинскому в подземной темнице присоединился брат покойного великого князя – Юрий Иванович, удельный князь Дмитровский. Только недолго «радовался» Михаил Львович такому почетному соседству: по приказу государыни ее дядюшка и опекун был тайно удушен. А под замок – с женами и чадами – посажены еще два верховных боярина: Иван Вельский, да Иван Воротынский. Туда же через недолгое время Елена отправила и младшего брата покойного мужа, князя Андрея Ивановича Старицкого. Крута оказалась на расправу «прекрасная литвинка».

Ей удалось раскрыть несколько боярских заговоров, ставивших целью ее свержение, и она сумела, хотя это и потребовало от нее неоднократного пренебрежения нравственными нормами, удержаться на престоле. Зато старший ее сын, Иван, жил в обстановке такой ненависти и такого страха, что это навсегда наложило неизгладимый отпечаток на его характер и психику. И немудрено. Расправившись с очередным врагом матушка вопрошала любимое чадо, крутившееся подле нее:

– Что должен делать государь-батюшка с изменниками?

– Наказывать, матушка, – со знанием дела пищал малолетний «государь-батюшка».

– И как же ты будешь их наказывать, государь? – продолжала «урок» Елена Васильевна.

– Вот как! Вот как! – упоенно визжал Ванечка и что было сил молотил по пухлому заду боярыню или девку, на свою беду подвернувшуюся под государеву ручонку.

Неведомо ему было, что маменька изменников наказывала по-другому: ободрать кнутом для начала, а потом тихонько удавить в глухих кремлевских подвалах. Оба его родных дяди уже отмучились, а их удельные княжества – Дмитровское и Старицкое – без особого шума были присоединены к княжеству Московскому. Много позже возмужавший и ставший Грозным Иван Васильевич по достоинству оценит политику своей матушки и станет ее достойным преемником. В том числе, и по отношению к слишком своевольным боярам.

Но ведь действительно, за пять лет своего регентства Елена Глинская успела сделать столько, сколько не каждый мужчина – правитель успеваеет свершить за десятилетия. Литов-

ский король Сигизмунд обманулся в расчетах на внутренние смуты и бессилие государства, руководимого женщиной: он начал в 1534 г. войну против России и проиграл ее. Правительство Глинской непрерывно вело запутанные интриги в области международной дипломатии, пытаясь одержать верх в соперничестве с казанским и крымским ханами, еще полвека назад чувствовавшими себя господами на Русской земле.

Княгиня Елена Васильевна сама вела переговоры и по совету с верными боярами, сама принимала решения. В 1537 г., благодаря ее дальновидным замыслам, Россия заключила договор со Швецией о свободной торговле и благожелательном нейтралитете. Как ни дорог ей был «сердечный друг» и любовник, все чаще князь Овчина-Телепнев-Оболенский чувствовал себя лишним в государственных делах. И без меры пил «белое вино» (читай – водку), а то и брагой холопской не брезговал.

Но самым большим достижением великой княгини Елены была денежная реформа, едва ли не первая на Руси. Основной монетой тогда была «деньга», причем существовала она в двух вариантах: московском и новгородском. В 1535 г. *«отставивши торговати старыми деньгами и начавши торговати деньгами новыми, копейками»*.

Проще говоря, многочисленные резаные и поддельные серебряные монеты было приказано перелить в новые, на которых был изображен великий князь на коне с копьем в руке. Деньги эти и называть стали соответственно – копейками. Эта была серебряная монетка весила 0,68 г., а одна четвертая часть копейки называлась полушкой. Таким образом, произошло установление единой монетной системы, а также унификация чеканки монеты. Это был весомый шаг для стабилизации экономики Руси. И этого бояре тоже не собирались прощать регентше: стабильная экономика укрепляла государство, а сильное государство лишало бояр возможности самоуправствовать.

Внутренняя политика Елены Глинской также отличалась большой активностью. Подобно княгине Ольге, основавшей в X в. немало новых поселений, Елена Васильевна отдала приказ о построении городов на литовских границах, о восстановлении Устюга и Ярославля. В богатую Московию потянулись эмигранты из других стран; только из Литвы выехало 300 семей.

В годы правления Елены Глинской началось и проведение так называемой «губной реформы». Если деятельность городских приказчиков, появившихся на рубеже XV – XVI вв., затрагивала в основном военно-административную сферу, то губные старосты становились судебными исполнителями (им передавались изымавшиеся от наместников дела о разбоях и воровстве). Губные старосты также были выборными лицами из местных дворян. В помощь им избирались старосты, сотские и «лучшие люди» из крестьян и посадских людей. Это было еще одним ударом по наместникам и волостелям, и в то же время усилением «снизу» формирующегося сословно-представительного государства.

Но это все было настолько скучно и неинтересно – ни заговоров, ни войны, ни, на худой конец, таинственных младенцев. Старица Софья, в миру – великая княгиня Соломония – затихла в своей Суздальской обители, никак не напоминая о себе нынешней государыне. Маленький царь Иван рос, как говорится, не по дням, а по часам, а младшенький, Юрий, оставался всецело на попечении мамок и нянек, поскольку болел непрерывно и только раздражал Елену свои невнятным писком.

И еще ее раздражало то, что Иван Овчина-Оболенский накрепко привязался к маленькому великому князю. Учил его ездить верхом, стрелять из лука и драть вожжами нерадивых холопов. И даже лазил вместе с московским государем на высокие липы – разорять грачинные гнезда. Понятно, что любил его мальчик немерено и только что не бегал за своим старшим другом, как собачонка.

А власть – она ведь кружит голову сильнее любви. Уже и любовник Елене Васильевне стал не нужен, да как от него избавиться? В темницу не посадишь, на войну не ушлешь – не ведет московское княжество никаких войн, в мире, да довольстве живет. Вот и приходилось

Елене чуть ли не ежедневно стискивать зубы и привечать своего «сокола ясного». Но уже бродили в ее красивой головке мысли отправить ненаглядного послом куда-нибудь подале. Вот лето наступит...

А пока наступала весна, заканчивался Великий Пост. Пасха в том году была ранней, на середину апреля выпадала, до Страстной недели – рукой подать. Потому не пила государыня вина, не ела скоромного, только в одном строгий пост нарушала: каждое утро подавали ей творог и ела она его с солью. Так еще с детства, с отчего дома привыкла, хотя никто, кроме нее, к этому блюду не притрагивался – чудно было. Творог с медом хорош, со сметанкой...

В то утро Елена вышла в первой трапезе выпавшаяся, веселая, даже приказала старшего сыночка привести, чтобы вместе позавтракать. Придвинула к себе мисочку с творогом, круто присолила, взяла в рот первую ложку и... сморщилась. Горчил творог.

– Уберите, – приказала она девкам. – Не стану есть.

– И я не стану! – радостно закричал Иванушка, колотя ложкой по столу. – И я не буду, коли матушка не кушает!

– Еще как будешь, – погрозила ему перстом Елена.

Придвинула снова миску, через силу проглотила пару ложек. Нет, горький был творог, так и стояли его комки поперек горла. И голову точно железным обручем стянуло.

– Неможется мне что-то, – прошептала она. – Лекаря позовите...

Всю неделю в церквах шли службы, священники и монахи денно и нощно пели псалмы за выздоровление пресветлой государыни. Немецкие лекари, призванные к Елене Васильевне, только руками развели: отравили, спасти невозможно. Теперь только сон и покой, глядишь, проживет государыне на пару дней дольше. Но и только.

Навзрыд рыдал у постели умирающей князь Овчина-Телепнев, горько плакал малолетний государь Иван. Но Елена уже никого не узнавала, почти все время была в забытьи, только иногда приходила в сознание и просила клюквенного киселя. А потом и вовсе по-литовски бормотать стала, точно русскую речь забыла.

И действительно, виделся ей отцовский замок в Ливонии, слышались звуки музыки, по каменным плитам большой залы скользили в танце нарядные пары... Скакала она на аргамаке по окрестностям, дышала полной грудью, мечтала о счастливой любви, о свадьбе с заморским принцем... Все ушло, как вода в песок, точно и не было.

– Сына позовите, – вдруг внятно промолвила государыня. – Увидеть его хочу... в последний раз.

И тут взгляд ее застыл окончательно.

Московскую государыню похоронили на Благовещение. С самого утра вдруг повалил густой снег, засыпав все вокруг и накрыв белым саваном уже пробившуюся траву и первоцветы. Однако москвиты проводили свою государыню в последний путь чуть ли не всем городом, пусть и «литовка», она давно стала для них своей, мудрой и милостивой правительницей, надевшей узду на алчных и своевольных бояр и давшей простому люду свободно вздохнуть.

Снег лежал восемь дней, точно природа скорбела вместе с людьми. А на девятый день на двор к князю Ивану Овчине-Оболенскому всем миром ввалились бояре в сопровождении вооруженных дружинников. Первым шел Василий Шуйский.

– Стало быть, на девятый день пришли? – встретил их на крыльце хозяин.

– Нешто ты, Ванька, думал, что я стану сорочин дожидаться? – усмехнулся Шуйский. – Полюбовницу твою, гадюку литовскую, зарыли... Собирайся и ты теперь.

– На погост, что ли? – усмехнулся в ответ князь Иван.

– В гости. Любил ты со своей зазной людишек в подземелье саживать, вот теперь и сам там посидишь... охолонешься.

«...И посадиша его в палате за дворцом у конюшни, и умориша его голодом и тягостию железною», – пишет летопись.

Через полгода, по случаю своей свадьбы, князь Василий Шуйский приказал накормить и напоить всех узников «от его стола». Ивану Овчине-Телепневу принесли сдобный калач и огромный кубок с вином. Но на сей раз Шуйский не прибег к яду: задремавшего после необычной сытной и хмельной трапезы князя Ивана удавили железной цепью...

Через пятнадцать лет царь Иван Васильевич Грозный отомстит боярам и за смерть матери, и за гибель своего любимца. Страшно отомстит: зальет кровью всю землю русскую.

А началось-то все с прекрасных синих очей юной литвинки, волею судьбы попавшей в Московию.

Любимые жертвы

– Ну, что стала, как пень лесной? Сказано тебе: пошла вон. Завтра в Углич отъедешь и будешь там жить, пока чего другого не повелю. Ступай!

Царица Мария Федоровна, в девичестве – Мария Нагая, считавшаяся первой красавицей на Руси, отвесила супругу поясной поклон и повернулась к двери. Лебедушкой выплыла из царевой опочивальни, сама не понимая, грустить или радоваться внезапной опале. Была она седьмой супругой государя Всея Руси Ивана Васильевича Грозного и ведала, что ни одна из ее предшественниц своей смертью не умерла.

Так, может, оно и к лучшему – в Углич-то? Подальше от немилостивого грозного супруга, от страшных палат кремлевских, от боярских хитроумных интриг. Не в монастырь, чай, постригают: отсылают, да не одну, а с сыночком любимым. В Угличе-то говорят – красота, тишина, благолешие...

Она только успела добраться до места своей почетной ссылки, как ее нагнала весть: скончался Иван Васильевич, преставился в одночасье. Но овдовевшая царица в Москву так и не вернулась.

Ивану было семнадцать лет, когда родственники да ближние бояре решили его женить. Хотели устроить традиционный смотр невест и уже огласили приказ: всем боярским дочерям быть в Москве в особом дворце, а кто посмеет девку утаить, тот казнен будет. Повезли бояре красавиц в Первопрестольную, да только зря: царь уже выбрал себе супругу, свою ровесницу, Анастасию Романовну Захарьину-Кошкину.

Наверное, это была та самая любовь с первого взгляда, о которой так много говорят и пишут и в которую мало кто верит. Может быть, сама Анастасия полюбила Ивана только тогда, когда он уже стал ее мужем. Не могла не полюбить, боярышня была воспитана в строгих правилах. Но Иван-то Васильевич как свою «голубку» узрел, так после никакой другой женщины и видеть не желал.

После пышной свадьбы царская чета пешком отправилась на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Молодая царица была набожна и благочестива, а влюбленный супруг, казалось, только и думал о том, как бы угодить своей «голубке». Но когда вернулись в Москву, Анастасия поняла: сказка закончилась, а ее мужем стал непонятный, загадочный человек, который то осыпал жену подарками, то зло подшучивал над ней.

Мог зазвать в царскую опочивальню кого-нибудь из ближних бояр и от души веселиться, глядя, как боярин боится голову от земли поднять, да ненароком на царицу взглянуть, а царица под одеялом укрывается, да от стыда плачет. Один раз посмела сказать:

– Ой, негоже, государь Иванушка, чтобы мужчина заходил к царице в спальню...

– К кому? – зло прищурился царь. – К царице? Это ты, что ли – царица? Да я мигну – тебя тут же в монастырь запрут. Была ты Настькой Захарьиной, ею и осталась. Смотри, разгневаюсь...

Повернулся на каблуках и выбежал – вон. Потом ближние боярыни сказали: на охоту государь отправился, потешить себя играми молодецкими. А когда вернется, то никому неведомо.

Весь день Анастасия проплакала в своей горнице. А к вечеру супруг богоданный вернулся, да такой нежный, такой ласковый, что слезы у молодой царицы враз просохли. Неделию государь не выходил из покоев царицы, нежил да голубил свою ненаглядную, надарил дорогих подарков, наговорил слов всяких... Ну, как на такого сердиться? Горяч, молод, норовист...

Впрочем, свой норов царь Иван Васильевич вскоре стал сдерживать. Анастасия понесла дитя чуть ли не с первой ночи, носила тяжело, мучилась тошнотой, да дурнотой. А тут еще

на Москве великий пожар случился, долго горел город, едва не дотла выгорел. Анастасия тогда так испугалась (не за себя, а за чадо еще нерожденное), что сердце болеть начало.

Дочка Анна родилась на две недели раньше срока. Едва успели окрестить – прибрал Бог невинную душеньку. Анастасия так убивалась, что смотреть было жалко. Только муж, хотя и печалился о смерти младенца, сказал, что это им – наказание от Господа за грехи их. Что новый царский любимец и духовник Сильвестр прямо сказал: в блуде дитя было зачато, потому и не зажилось на свете. Мол, по воскресеньям, во все праздники, да по средам и пятницам от плотского греха воздерживаться надо.

Анастасия-то воздержалась бы, но сам государь никакого воздержания не признавал, хотя потом земные поклоны клал, молился, да калялся. А что толку: еще двух дочерей – Марию и Евдокию – родила царица за три года, да обе вскоре за своей сестрицей старшей ушли. Не благословил Бог царскую чету потомством. Анастасия не роптала, только все чаще удалялась в свою светелку – отлеживаться, так сердце болело.

А царь Иван Васильевич Казань воевать решил. Дважды выступал в поход и дважды с бесславием отступал, а по его следу осмелевшие казанцы разоряли и грабили русскую землю. Лишь третий поход увенчался успехом. Может быть, потому, что перед ним царь дал обет поставить в Муроме каменный собор в честь святых Петра и Февронии. И Казань пала. На обратном же пути царь получил известие, что царица в день святого Дмитрия Солунского благополучно разрешилась от бремени сыном, которого и нарекли Дмитрием.

Жить бы, да радоваться, только через год пронеслась по Москве и по всей Руси весть: государь при смерти. Анастасию к мужу почему-то не допускали, она истово молилась в своих покоях. Но царю становилось все хуже и он повелел собрать у своего одра самых именитых бояр, дабы присягнули те на кресте малолетнему царевичу Дмитрию.

Кто-то из бояр, не мешкая, поспешил к присяге, но князь Владимир Старицкий и его матушка, вдовья княгиня Ефросинья, родная тетка царя Ивана, целовать крест Дмитрию отказались наотрез, смутив тем самым многих присутствующих.

– Тебе, государь, и сыну твоему всегда служить рады, а Захарьиным нам не служить. Сам ведаешь: сын твой еще в пеленках, а мы и прежде от тех бояр беды многие видели, зачем нам новые жернова?

Поднялся шум и гвалт, бояре люто спорили друг с другом о том, кто знатнее, да кто больше для державы сделал. Совсем забыли, для чего были званы. И тут послышался твердый голос царя Ивана Васильевича:

– Значит, не желаете сыну моему присягать? Смерти моей дожидаетесь, мечтаете нового государя на трон возвести? А вот я возьму, да и не помру! Ступайте все вон отсюда, смрадно от вас...

Только тут Анастасия поняла, что болезнь мужа была притворной, что решил он так испытать верность своих бояр. Сердце прихватило так, что царица побелела, охнула и сползла по стеночке на ковер царской опочивальни. Хорошо, что рядом немецкий лекарь Линзей рядом оказался, помог царице в себя прийти и приказал с великим бережением отнести ее в светлицу. Следом за ней стремительными шагами бросился чудесно выздоровевший царь.

А бояре смиренхонько разъехались по своим домам да вотчинам, чувствуя неминуемую беду: не выдержали они испытания, устроенного им хитроумным царем.

Анастасия отдышалась и заснула уже глубоким и спокойным сном. Эту ночь Иван Васильевич, как и всегда, провел в опочивальне супруги, только не ложился, сидел в высоком кресле и берег сон своей голубки. Что бы там ни болтали злые языки по Москве, царь по-настоящему любил свою царицу и других женщин не замечал. Ну, разве девка какая теремная глянется, так то дело обычное, на то в теремах пригожих девок и держат.

Чуть оправилась царица от припадка, Иван Васильевич повелел всем отправляться вместе с ним, его супругой и малолетним царевичем в паломничество в Кириллов монастырь,

что на Белом озере. Такой обет дал он еще под стенами Казани, когда молился о победе над врагами. Царский поезд растянулся на несколько верст: родня царевича Дмитрия со стороны матери, бояре Романовы сопровождали Грозного и в дни путешествия бдительно следили за неукоснительным соблюдением церемониала, подчеркивавшего их высокое положение при дворе.

Где бы ни появлялась нянька с царевичем на руках, ее неизменно поддерживали под руки двое бояр Романовых. Царская семья продолжила путешествие по реке на стругах. Боярам случилось однажды вступить вместе с кормилицей на шаткие сходни, те не выдержали – все оказались в воде. Для взрослых купание в реке не причинило вреда. Младенец же Дмитрий захлебнулся и откачать его так и не удалось. Тут и настиг царицу новый сердечный припадок, едва до монастыря довели, уж и не чаяли, что выживет.

Анастасия так никогда и не оправилась от гибели сына. Ни родившийся через год после этого Иван, ни появившийся еще год спустя Федор не могли заполнить образовавшейся в ее сердце страшной пустоты. И не смогли излечить надорванное сердце царицы ни народные средства, ни иноземные врачи. Только ненавидевшие ее бояре все никак не могли дожидаться, когда же государыня изволит преставиться.

Почему – ненавидевшие? Да потому, что слишком уж крепкой была любовь к ней царя, а потому слишком сильной – та власть, которую она над ним имела. И вот однажды – дождались. Пополз по Москве слух, что царица Анастасия, ангел во плоти, заступница всех сирых и убогих занемогла сильно. Что ни пить, ни есть уже не может и с ложа не поднимается. Что иноземного лекаря Линзея, который признался в своем бессилии, государь Иван Васильевич собственноручно острым посохом пригвоздил к стене. Что привозили царице целебную воду откуда-то из – под Вологды, но и та вода не помогла. Что жить государыне осталось – всего ничего.

Последняя надежда оставалась на недавно появившегося в Москве немецкого лекаря Элоизиуса Бомелиуса, который, по слухам, чуть ли не с того света людей вытаскивал. Иван Васильевич повелел сего лекаря немедля во дворец доставить и принял его почти приветливо. Но только и «доктор Елисей», как прозвали немца русские, оказался бессилён. Сказал только государю, что жить царице осталось – считанные дни. И что болезнь ее – от злых людей, а не от Бога.

– Порчу навели? – побелел и сжал губы Иван Васильевич.

– Отравили, – просто ответил врач.

Он достаточно много странствовал по Европе, чтобы с первого взгляда обнаружить странные зеленоватые тени на щеках и шее царицы. Такие же он видел на жертвах интриг французской королевы Екатерины Медичи. Яд, от которого не было спасения. И который мог дать царице лишь очень близкий к ней человек.

Впрочем, зачем – дать? Можно было подарить пропитанный отравой платок, вымоченные в нем украшения, банку с ароматическими притираниями. Яд убивал медленно, но верно, и распознать его можно было только по этим зеленоватым теням.

Царица тихо скончалась в Коломенском дворце – Москва опять горела. Перед тем, как закрыли крышку гроба, царь вдруг бросился вперед с криком:

– Куда ты от меня? Как обойму отныне?

Его унесли почти беспамятного... А когда Иван Васильевич очнулся – это был уже другой человек. Он сам часто говорил, что Анастасия была его ангелом-хранителем. Она сдерживала его звериную натуру и пыталась сгладить внутренние противоречия. Она была ему и матерью, и женой, и любовницей, и другом, и советником. Смерть Анастасии ожесточила его. Первая и последняя любовь царя стала первой жертвой жестокой войны между ним и мятежными боярами. Только враги царицы просчитались.

Сразу после ее смерти был распущена Избранная Рада, долгие годы служившая верой и правдой царю. За годы ее деятельности были приняты реформы, направленные на укрепление самодержавия. Иван, теперь уже Грозный, решил, что теперь он способен справиться со всем в одиночку.

Отстояв заупокойную на девятый день, он следующим же утром явил миру совсем иной лик – жестокого и подозрительного насильника, чуждого какой-либо привязанности. Анастасия умерла в августе 1560 года, после тринадцати лет счастливого, в общем-то, брака, а две недели спустя «безутешный вдовец»... объявил, что женится снова. На сестре польского короля Сигизмунда II Августа принцессе Екатерине Ягеллонке, дабы не просто вторую супругу взять, но и политические выгоды получить.

Сигизмунд отказал ему: добра от союза с Московией он не чаял, а отдавать сестру за «полоумного еретика» – боялся. Вместо родственных отношений возникла взаимная ненависть, да такая, что несколько десятилетий спустя привела к войне с поляками и страшной смуте на Руси. Но это случилось уже после смерти Ивана Грозного.

Тем временем в Москве объявился черкасский князь Темрюк с дочерью «неписанной красоты». Князь сам искал дружбы с русским царем, а в залог предлагал руку своей единственной дочери. Увидев ее, Иван Грозный на время забыл все на свете. Княжна и впрямь была необыкновенно хороша собой, хотя была полной противоположностью русоволосой и светлоглазой Анастасии: тонкая, смуглая, с копной густых, черных, как смоль, волос и с огромными черными глазами. Иван Васильевич впервые увидел такую женщину – и ровно год спустя после смерти своей первой жены женился на прекрасной черкешенке, получившей при крещении имя Мария.

Этот брак продлился восемь лет. Царица родила сына, но мальчик прожил всего пять недель. После смерти младенца проявился во всей красе бешеный нрав молодой царицы, охочей не только до чисто мужских развлечений (верховой езды, пиров, соколиной охоты), но и до кровавых зрелищ.

Мария с удовольствием присутствовала на медвежьих травлях и наблюдала с кремлевских стен за публичными казнями, хотя в те времена женщины на казни не допускались. Заикнувшийся о том, что неприлично царице смотреть на жестокие расправы, боярин Адашев был сослан, а вся его родня – брат и 12-летний племянник, тесть, три брата жены, племянник с двумя детьми и племянница с пятью – были казнены на Красной площади.

Бояре царицу откровенно ненавидели, а та, получив поначалу огромное влияние на мужа, в долгу не оставалась и не упускала случая настроить царя против бояр. Она придумывала бесконечные «заговоры» против своего державного супруга и так его этим напугала, что царь беспрестанно учинял жестокие пытки и расправы, а затем и вовсе удалился из Москвы и поселился в Александровской слободе под охраной тысячи избранных им так называемых «опричников».

Царский дворец в Александровской слободе превратился в жуткую пародию на монастырь. Ночью царь звонил в колокол. В церковь съезжались опричники в рясах. Потом во время двух-трехчасовой службы царь беспрерывно клал земные поклоны. После службы царь читал жития святых, а во время обедни опять бился лбом о каменный пол. Но уже за обедом все были без ряс, вино лилось рекой, появлялись женщины. А глубокой ночью оргия опять сменялась молитвой.

Мария не меньше своего супруга любила плотские утехы, причем зачастую искала их на стороне, о чем царю очень скоро стало доподлинно известно. Но он уже охладил к Марии, завел целый «гаремный дворец» в Александровской слободе и пропада там неделями.

Злые языки в Москве поговаривали, что супруги, случалось, и дерутся. То, что государь тяжел на руку и скор на расправу, было не новостью: он и Анастасию Романовну, голубку свою нежную, случалось, и за косу таскивал, и посохом охаживал. Но если кроткая Анастасия

смиренно сносила мужнины побои, то злющая и вспылчивая Мария бросалась на супруга с кулаками, норовя в кровь расцарапать лицо. Однажды в пылу ссоры царь хватил свою супругу об стену так, что та полегла замертво, выкинула неживого младенца и более уже детей не имела.

Об этом она, правда, не шибко печалилась. Со временем поползли слухи о том, что в Кремль заманивают молодых, пригожих мужчин, после чего они бесследно исчезают, Иван Васильевич поручил своему новому любимцу, Малюте Скуратову «провести дознание». Скуратов очень быстро выяснил, что это – дело рук царицы, которая меняла любовников едва ли не еженощно, после чего приказывала их убить или... убивала сама, а трупы потом тайно вывозили из Кремля и зарывали в глухом лесу. Обо всем этом он доложил государю, который равнодушно обронил:

– Узнаю царицу. Пусть веселится. А мы за нее Господу помолимся.

Молился государь, видно, усердно. Через какое-то время царица стала чахнуть, потом слегла – и больше не поднялась. Ее отравили менее изощренно, нежели Анастасию, потому и мучилась Мария недолго. И царь-государь недолго страдал от одиночества, тем паче, что почти все время проводил в обществе лихих молодцев-разбойничков. Дня не проходило без диких набегов на города и села, усадьбы и деревни... Грабежи, убийства, насилия и пожары повсюду сопровождали царя и его опричников на их страшном пути.

Но страшнее всего было видеть самого царя. Иван Васильевич стал уже полусумасшедшим. Он приходил в необузданную ярость по малейшему поводу, а то и без всякой причины. Он бился в падучей, на губах у него выступала пена, глаза закатывались. Он хрипел, потом загнанно дышал и в конце концов затихал, впадая в тяжелый сон. Жениться он не желал, да и нужды не было: десятки наложниц вились вокруг него, носили его от стола в баню, а из бани в опочивальню. Век этих «прелестниц» был недолог, самые «везучие» становились наложницами верховных опричников.

Но бывало и куда хуже. Как-то один боярин не согласился отдать свою шестнадцатилетнюю дочь в царский гарем. За это его повесили вверх ногами, облили голову кипятком, а потом главный царский страж и палач Малюта Скуратов отрезал ему уши и нос. После того другие опричники—палачи медленно отрезали боярину обе руки. И только когда они достаточно «насладились» зрелищем окровавленного страдальца, его перерубили пополам. А затем до смерти замучили жену и надругались над дочерью строптивого боярина.

Сколько таких случаев еще было – никому неизвестно, только Москва, да и вся Русь жила в великом страхе. Никто не знал, суждено ему увидеть новый день, или государю придет в голову оборвать его жизнь немедля. И хорошо еще, ежели без мучений...

Ведь была у Ивана Васильевича и еще одна забава, которая называлась «выбором жены». Он с опричниками делал набеги на вотчины своих подданных. Его встречали по-царски, но, придравшись к мелочи, венчанный гость приказывал опричникам «пощупать ребра» у гостеприимных хозяев. Начинались страшные избиения, которым не подвергались только молодые красивые женщины и девушки. Царь выбирал одну из них, остальные доставались опричникам. Иногда бесчинства «гостей» продолжались два-три дня.

Наконец, в голову Ивана, неизвестно почему, пришла мысль сыграть еще одну свадьбу. Может быть, он все еще мечтал найти вторую «голубку», еще одну Анастасию? Кто знает...

На сей раз он повелел устроить традиционные смотрины – свезти красавиц со всей Руси, дабы избрать из них наилучшую... И вот уже не по годам согбенный, облысевший, опирающийся на посох, Иван обходил ряды невест – молодых, стройных, пышущих здоровьем – и, точно коршун, выискивал себе добычу. Наконец царь остановился перед юной белокурой красавицей.

– Как звать тебя? – спросил он девушку.

– Марфой, государь, – чуть слышно ответила та.

Иван Грозный стукнул посохом об пол и повелел объявить, что царицею Московской называет он боярышню Марфу Васильевну Собакину, оказавшуюся волею случая дальней родственницей Малюты Скуратова. Боярышню с великим бережением отвезли в Кремль, нарекли «государыней-царевной» и стали спешно готовиться к свадьбе. Недели не прошло, как состоялось пышное венчание, но...

Марфа занемогла прямо на свадебном пиру, из-за стола новобрачную увели не в опочивальню, а в отдельную светелку. Вместо брачной ночи началась ночь «розыска», длившегося несколько недель. Третья жена Ивана Грозного, фактически так и оставшаяся только его невестой, скончалась спустя полмесяца после свадьбы, а на плаху по обвинению в «сведении со света» царской избранницы угодило двадцать человек. Главным виновником был объявлен брат покойной царицы Марии, князь Михаил Темрюк, якобы угостивший «государыню – царевну» отравленными засахаренными фруктами. Его без затей посадили на кол.

В гневе и неистовстве, государь повелел созвать церковный собор, и послушные ему иерархи признали брак с Марфой недействительным. Законными считались только три брака, так что решение церковников давало царю возможность жениться еще раз. Правда, от государя потребовали покаяния и наложили на него легкую епитимью – совершать каждый день сто поклонов перед иконами в течение одного года. Но это был последний раз, когда отцы церкви смогли что-то потребовать от Ивана Васильевича.

Через год после смерти Марфы царь снова решил вступить в брак и выбрал Анну Колтовскую, красивую и умную девушку, чем-то напоминавшую Анастасию. Анна по понятиям того времени была уже «перестарком», ей исполнилось восемнадцать лет, но бояре быстро смекнули, что новая царица – «настоящая». Она сумела подчинить Ивана Васильевича своему влиянию. Массовые пытки и казни прекратились, а в покоях царицы Анны всегда было достаточно красивых женщин, чтобы супруг проводил там все свое время. Молодая царица искусно повела борьбу против опричнины. Она ненавидела их, замучивших ее любимого, князя Воротынского. Благодаря ее влиянию на царя, за год были казнены или сосланы почти все главари опричнины. Оставшиеся опричники люто ненавидели Анну.

И им удалось отомстить царице, оклеветав и опорочив ее в глазах супруга. Основным обвинением, правда, было то, что царица «неплодна». В апреле 1572 года ее привезли в Тихвинский монастырь. Там царицу насильно постригли под именем Дарии; церемонией пострижения руководил Малюта Скуратов-Бельский. В удел ей, отныне «старике царице и великой княгине Дарье» назначался город Ростов «с волостми и с пустми, и с селы и со всеми пошлинами», а также 14 сел «с деревнями и со всеми угодыями». Несчастливая женщина прожила в монастырском заточении более полувека.

Прошел год после удаления Анны. Бояре прятали из Москвы и округи своих молодых жен и дочерей, царю приходилось рыскать по окрестностям для удовлетворения своих страстей. Тогда он снова решил жениться, причем обошелся без разрешения церкви, просто в ноябре 1573 года обвенчался с княжной Марьей Долгоруковой, признанной на Москве «первой красавицей». Свадебный пир был очень веселым и на улицы Москвы были выставлены столы, заполненные хлебом, мясом и рыбой, а также десятки бочек пива и браги.

Но на следующее утро после пышной свадьбы царь был хмур и неразговорчив. В тот же день он увез царицу в Александровскую слободу, где приказал вырубить на своем пруду огромную полынь. У края полыни поставили высокое кресло. Из дворца на коне выехал царь, за ним следовали сани, в которых лежала в одной ночной сорочке связанная и обеспамятевшая царица Мария.

Царь сел в кресло, а сопровождавший его дьяк громогласно объявил:

– Православные! Ныне узрите, как карает великий государь измену. Князя Долгорукие обманном воровским обычаем повенчали государя с девкой, коя до венца слюбилась с неким

злодеем и пришла во храм в скверне блудодеяния, о чем государь не ведал. И за то злое, изменное дело повелел великий государь девку Марийку в пруду утопить.

Скуратов ткнул ножом лошадь, запряженную в сани, и испуганное животное метнулось в польню, где и утонуло. Когда вода успокоилась, Грозный поднялся со своего кресла, снял шапку, перекрестился и сказал:

– Воля Господня свершилась.

Брата Марии, Петра Долгорукова, подвергли жестокой пытке «за введение царя в обман и попустительство разврату сестры» и убили.

Тело несчастной княжны-царицы так и осталось в пруду Александровской слободы, бывшим, на самом деле, самым настоящим кладбищем. В нем топили врагов престола, «хоронили» казненных, сами тонули по пьянке. Иностранцы сообщали своим суверенам, что в сем пруду развелись крупнейшие и жирнейшие карпы да караси. На пирах и дипломатических приемах эти подводные стервятники были самым лакомым блюдом.

После этого события царь опять «пресыщался» в гареме дворца слободы. А однажды заехал к князю Петру Васильчикову и увидел его 17-летнюю дочь—красавицу Анну. Неизвестно, кто их венчал, но царицей Анну Васильчикову никто не признавал. Царь прожил с ней три месяца, и молодая непризнанная царица как-то таинственно скончалась, вроде бы от «грудной болезни». Осталась только запись в книге Иосифа Волоцкого монастыря, что царь пожертвовал «по Анне Васильчиковой дачи за упокой государские 100 рублѣв». Тенью мелькнула несчастная юная жертва царского сластолюбия, неизвестно даже, как она выглядела.

Несколько лет прошло относительно спокойно, государь тешился разными девицами, да женами, не пытаясь заключить новый брак. Он даже стал милосерднее: если приглянувшаяся ему красавица не противилась, была кротка и покорна, то наутро она могла спокойно покинуть царскую опочивальню и дворец, иногда даже с каким-нибудь подарком: перстнем или серьгами. Но если жертва сопротивлялась... Удовлетворив свои желания, Иван Васильевич приказывал бросить несчастную на растерзание собакам, утопить, повесить, живьем зарыть в землю. Фантазия у царя была богатая.

Так продолжалось до той поры, пока на глаза царю не попала супруга его стремянного Никиты Мелентьева. Василиса действительно была красавицей, знала об этом и вела себя так, что в ее присутствии любого мужчину бросало то в жар, то в холод. Не стал исключением и сам Грозный. Верный слуга Малюта Скуратов и тут не оплошал: угостил доброй чаркой вина Никиту, а тот возьми после этого, да и отдай богу душу. Чтобы вдова не убивалась по супругу, Скуратов перевез ее в царский дворец – прямо в опочивальню, где Иван Васильевич ее и узрел. Да так изумился этакому чуду, что сам не заметил, как согрешил, и не единожды. Прекрасная Василиса оказалась достойной парой царю и успокоилась только к рассвету. Да и то, как выяснилось – ненадолго.

Хотя известно, что Иван Васильевич с Василисой обвенчался, неизвестно, было ли то подлинным венчанием или государь устроил очередное представление. Так или иначе, царицей Василису считала только она сама, прочие же ее никогда так не величали. И все же на два года она смогла полностью завладеть царем: во всяком случае, после объятий Василисы у Ивана Васильевича сил оставалось только на то, чтобы помолиться, да и то – не всегда.

В Москве почти прекратились казни, а во дворце – разнузданные оргии. Но однажды, во время беседы со шведским послом, Иван Грозный внезапно прервал разговор и направился в покои Василисы. Та казалась смущенной. Вызванный царем Скуратов, обыскав терем, нашел спрятавшегося за пологом кровати царского сокольничего Ивана Колычева, которого разгневанный государь тут же проткнул острым концом посоха. На следующий день в могилу опустили два гроба: в одном был убитый Колычев, в другом – живая, но связанная и с кляпом во рту Василиса Мелентьева. Все родственники Колычева отправились на плаху. Потоки крови лились несколько месяцев.

А потом царь снова принялся за... поиски невесты. Он выбрал Наталью Коростову, но встретил неожиданное препятствие: дядя Натальи, новгородский архиепископ Леонид, приехал в Москву и заявил царю, что он скорее убьет свою племянницу сам, чем отдаст ее на поруганию царю. Эти смелые слова архиепископ произнес открыто, на приеме. Все ждали, что государь, как обычно, придет в ярость, но, к общему изумлению, Иван Васильевич сохранил спокойствие и даже обласкал Леонида.

В тот же день на дворцовой площадке состоялась оригинальная потеха. С заднего крыльца дворца, вынесли какой-то тюк, зашитый в медвежью шкуру. Этот тюк положили среди площадки. Затем псы привели около десятка огромных злых псов и натравили их на тюк. Псы в несколько мгновений разорвали медвежью шкуру, а потом разорвали и зашитого в ней человека. Это был архиепископ Леонид. После приема его пригласили в стольную палату, накормили, а затем...

Наталья Коростова, несмотря на ее сопротивление, должна была поселиться во дворце. Она стала добычей царя, но не получила звания царицы. Дядя невольно оказал ей плохую услугу. Наталья пользовалась расположением царя всего несколько месяцев. Затем она бесследно исчезла. Неизвестно даже, сколько лет было очередной «царской невесте». Возможно, ее скелет скрыт в стенах кремлевских подземелий, где Грозный любил заживо хоронить людей, которых почему-либо неудобно было казнить публично.

Исчезновение Натальи совпало с появлением в Москве боярина Федора Нагого. Боярин много лет прожил в ссылке и, неожиданно для него самого, вдруг получил от Грозного приказ немедленно вернуться в столицу. Нагой не мог объяснить себе, благодаря чему царь снял с него опалу. Между тем, дело обстояло очень просто.

В вотчине опального боярина случайно, проездом, был князь Одоевский, один из послов, постоянно ездивших из Москвы к польскому королю. Вернувшись в Москву, князь придумал способ расположить к себе царя. Он в ярких красках описал ему красоту боярышни Марии Нагой. Иван Васильевич так увлекся этим описанием, что немедленно приказал вернуть в Москву боярина со всем его семейством.

Мария Нагая, действительно, была идеалом русской красавицы.

Высокая, статная, с большими выразительными глазами и густой косой ниже пояса, она пленяла всех, кому приходилось ее видеть.

На другой день после приезда Нагого, царь вызвал его к себе, обласкал, пожаловал ему подмосковную вотчину и, в знак особой милости, объявил, что на днях посетит его. Действительно, через два дня у дома Нагого, на окраине Москвы, появился царский поезд. Иоанн приехал верхом. К этому времени он уже настолько одряхлел, что ему трудно было держаться в седле, но он старался казаться моложе своих лет. Он въехал во двор и без посторонней помощи соскочил с коня. Свита, соблюдая обычаи вежливости, спешила у ворот.

Боярин Федор Нагой встретил царя на крыльце с глубокими поклонами. В обширной, богато убранной стольной горнице высокого гостя ждала боярыня с подносом, на котором стояли две золотые чарки: для царя и хозяина. Царь вошел, оглянулся, поморщился и, не отвечая на поклон боярыни, сказал:

– Не ладно принимаешь, боярин. Я к тебе со всеми милостями, а ты меня обижать задумал.

Нагой растерялся.

– Помилуй, Великий Государь, – сказал он. – Можно ли мне и помыслить чинить тебе обиду? В чем ее усмотреть изволил?

А в том, – ответил Грозный, – что не кажешь мне дочь свою. А она, сказывают, красоты неописанной.

Эти слова объяснили Нагому, чему он обязан снятием опалы.

Надо сказать, что боярышня Мария была просватана за сына одного из бояр, живших по соседству с вотчиной, в которой Нагой провел более десяти лет. Боярышня поэтому не приехала в Москву. Сознаваться в этом было опасно, потому что царь приказал Нагому явиться в Москву со всем семейством. Несколько секунд боярин раздумывал, потом решительно заявил, что боярышня хворает и потому не может покинуть своей светелки. Но царь не любил изменять своих намерений. Он приехал к Нагому, чтобы увидеть его дочь, и должен был увидеть ее во что бы то ни стало.

– Ничего, боярин, – весело сказал он. – Хоть и недужна боярышня, а видеть ее я хочу. Веди меня к ней.

Боярыня настолько испугалась, что уронила поднос. Чарки со звоном покатались по полу, вино разлилось. Момент был критический. Боярин упал в ноги и покаялся, что обманул его, что Марин нет в Москве.

Против ожидания, царь не разгневался. Добродушно усмехнувшись, он сказал:

– То-то, Федор! Нелегко провести меня. А теперь – сейчас же посылай за боярышней. Послезавтра опять приду к тебе. И если тогда ее здесь не будет, не прогневайся...

Царь повернулся, вышел, сел на коня и уехал.

Нагой сейчас же поскакал в свою вотчину и вернулся в Москву с дочерью. Мария плакала, умоляла убить ее, но не разлучать с женихом, но честолюбивый боярин решил во что бы то ни стало исполнить волю царя.

В назначенное время Иоанн приехал к Нагому. На этот раз вино поднесла ему боярышня Мария. Она произвела на него сильное впечатление. Вопреки всем обычаям, он при ней сказал Федору:

– Ну, боярин, сам я себе у тебя сватом буду. Полюбилась мне твоя дочь, быть ей московской царицей.

Мария упала в обморок. Нагой низко поклонился. Он ждал этого.

Царь усмехнулся и, взглянув на лежавшую без чувств девушку, сказал:

– Видно, не по нраву пришелся я боярышне. Да ничего. Стерпится – слюбится.

Через неделю была отпразднована свадьба. Конечно, и на этот раз церковный обряд совершался без участия патриарха и епископов. Но свадебный стол был обставлен очень торжественно. Подавались «сахарные кремли», вино лилось рекой. Посаженым отцом царя был его сын Федор: дружкой со стороны жениха – князь Василий Иоаннович Шуйский; дружкой со стороны невесты – Борис Федорович Годунов. Все будущие московские цари.

На другой день после свадьбы царя его сын Федор женится на Ирине Годуновой, которую Иоанн незадолго до этого наметил себе в невесты.

Какое-то время в московском дворце жизнь шла мирно.

Царица Мария покорила своей участи и относилась к супругу хорошо. Сам царь был доволен своей новой женой. Одно лишь ему в ней не понравилось: она часто, без видимой причины начинала плакать. Это его раздражало. Однажды, застав ее в слезах, он до того рассердился, что обещал «отдать ее псам», если она не станет веселой.

Конечно, Мария от этого не стала веселее и между ней и царем началось охлаждение. Грозный вернулся к прежним привычкам. Снова ночью дворец оглашался пьяными песнями, опять в нем воцарился дикий разгул. Но у Ивана Васильевича силы были уже не те. Случалось, что он среди оргии вдруг засыпал, забывал имена своих любимцев; иногда называл Годунова Басмановым, удивлялся, почему за столом нет Вяземского, казненного им много лет назад, и тому подобное.

Его старший сын Иоанн, унаследовавший от отца все дурные качества, принимал деятельное участие в оргиях. Но в то же время, он как наследник престола, интересовался всеми государственными делами. В этой области он был ярким противником царя. Зная, что государь ищет мира с Польшей, он переписывался с польским королем Баторием и обещал ему после

смерти отца, всевозможные уступки, если король прекратит войны до воцарения его, Иоанна Иоанновича. Зная болезненную впечатлительность отца, Иоанн надеялся довести его до окончательного состояния безумия и, таким образом, скорее занять его место. Первое ему удалось, второе – нет.

Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Царь Иоанн Васильевич только официальным браком был женат не менее семи раз. И молодой царевич старался от отца не отставать. Первой его супругой была Евдокия Сабурова, насильно постриженная в монашки, второй – Феодосия Соловова, с которой приключилась та же судьба, свою жизнь она окончила в монастыре. А к 1583 году он был женат на Елене Шереметьевой.

Ее-то, зашедшую в покои к мужу, что делать женщинам даже царского рода не полагалось, случайно и встретил там свекор. Беременная Елена вышла к тому же «распояской», то есть в одежде нараспашку, а такой вид для замужней женщины считался зазорным. Увидев такой срам, Иван Грозный отвесил невестке пару крепких оплеух. Она упала, ударилась, и уже следующей ночью у нее случился выкидыш.

Сын, вступившись за жену, получил посохом в висок и, промучившись два дня, скончался. Отчаяние царя было неподдельным: младший сын Федор Иванович не был предрасположен к государственным делам, в силу своей доброты и набожности. Многие злые языки называли его даже слабоумным. Оставалось надеяться на то, что беременная царица Мария родит здорового сына. Но и Мария Ивану Васильевичу к этому времени стала ненавистна. Иван Грозный отправил в монастырь большой вклад на помин души сына и даже сам подумывал уйти в монастырь.

Когда же государь немного оправился от потрясения, все заметили в нем огромную перемену: он окончательно перестал выносить около себя людей, не способных беспрерывно веселиться, но в то же время, почти совсем исчезла и его кровожадность. Казни стали в Москве редкостью. Зато еще более усилилось чувство сладострастия. Оно дошло до болезненности: Иван Васильевич воцарился ко всем женщинам, включая собственных невесток, так, что те избегали оставаться с ним наедине.

А в это время приближенные Ивана Грозного всерьез думала об очередном браке царя, на сей раз – с племянницей английской королевы Елизаветы Марией Гастингс. Царю сообщили, что сия девица весьма хороша собой и славится своей добродетелью. Этого было достаточно, чтобы в Лондон на переговоры о браке и «смотрины» был отправлен дворянин Федор Писемский.

Царь предвидел, что королева Елизавета может возразить, что он женат, и велел передать ей, что этот брак недействителен, ибо не признан архипастырями греческой церкви. Особым указом царь повелел послу:

«И сказать ее королевскому величеству, что Мария Нагая не царица, и будет пострижена в монастырь».

Кроме того, Писемский должен был обещать Елизавете тесный союз Англии с Русью.

Королева приняла московского посла с большими почестями, по относительно сватовства дала уклончивый ответ. По ее словам, Мария Гастингс больна и видеть ее нельзя. Королева была в очень затруднительном положении. С одной стороны, ей очень хотелось породниться с русским царем, с другой же – Мария Гастингс не хотела и слышать о браке с государем, жестокости которого были хорошо известны в Европе. В конце концов, Елизавета нашла остроумный исход: под именем Марии Гастингс Писемскому показали какую-то рябую, кривобокую девицу почтенного возраста. Разумеется, после этого посол поспешил уехать из Лондона, чтобы сообщить царю, что его обманули и что выбранная им невеста похожа на чудовище.

За хитрость Елизаветы поплатился лейб-медик московского царя, англичанин Роберт, который первый сообщил ему о красоте Марии Гастингс: его замучили в застенке.

Между тем Мария Нагая благополучно разрешилась от бремени сыном, которого Иван Васильевич повелел наречь Дмитрием. Но продолжать супружескую жизнь с некогда столь любезной ему Марией Грозный не пожелал, и когда она, оправившись после родов, предстала пред его очами, повелел ей отъехать с младенцем в город Углич и жить там тишайше.

Мария, разумеется, повиновалась. Любое место на Руси казалось ей спокойнее и приятнее, нежели царские палаты, где медленно, но неотвратимо сходил с ума ее венценосный супруг.

Накануне своей смерти, 17 марта 1584 года, царь отправил боярина Шуйского в Швецию. Ему сообщили, что у шведского короля есть дальняя родственница, отличающаяся удивительной красотой. Царь решил посвататься за шведскую принцессу. Он предлагал королю тесный союз и всевозможные льготы. Но Шуйскому не было суждено покинуть пределы Руси. На другой день его догнал курьер с вестью о кончине царя. Иоанн умер внезапно, во время партии в шахматы.

Даже его могучий организм не выдержал тех оргий, среди которых протекала его жизнь.

Вот как описывает смерть Грозного историк Н. Костомаров:

«В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь; какое – то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним свое искусство; по монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам велено молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили с далекого севера; какие – то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти... Иван то падал духом, молился, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять порывался к прежней необузданности...»

Ему казалось, что его околдовали, потом он воображал, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Он то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жив. Между тем тело покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее.

Наступило 17 марта. Около третьего часа царь отправился в приготовленную ему баню и мылся с большим удовольствием; там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее. Его усадили на постели; сверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место и в это время упал.

Поднялся крик; кто бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополит и наскоро совершил обряд пострижения в монахи, нарекая Иоанна Ионою. Но царь уже был бездыханен.

Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис Годунов приказал затворить, ворота. На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано погребению в Архангельском соборе, рядом с могилою убитого им сына».

Известно, что, в конце жизни, испытывая раскаяние, Иван Грозный велел составлять список жертв своего ужасного правления, который перед его смертью в 1584 году вырос до 3000 с лишним имен. Копии этого списка, вместе с денежными пожертвованиями, были разосланы по крупнейшим монастырям России с распоряжением молиться за упокой их душ.

В этом длинном списке затерялись имена тех жертв, которых стубила царская любовь.

Царевна Ксения или вдовствующая невеста

В Троице-Сергиевой лавре хранятся две вышивки дивной красоты. Первая – покровец для изголовья гробницы Сергия Радонежского, с изображением рублевской «Троицы». По малиновому атласу мелким жемчугом искусно вышиты фигуры, венцы у ангелов, одежды, стол, палаты, очертания гор и кроны деревьев. На полях, среди растительного орнамента, выполненного крупным жемчугом и самоцветными камнями, размещены серебряные и позолоченные пластины-дробницы с изображениями Богоматери, Иоанна Предтечи, Сергия Радонежского и святых Бориса, Марии, Федора, Ксении...

Вторая – многофигурная красочная композиция, вышитая на бархате, предназначенном покрывать «жертвенник»: сидящий на троне Христос, рядом с ним расположились Богоматерь и Иоанн Предтеча, у ног их склонились Сергей и Никон Радонежские. Выполненная умелым комбинированием 15 различных узоров и швов, картина отличается особой выразительностью лиц, объемностью фигур, изяществом и тонким вкусом в подборе цветов драгоценных камней, в сочетании жемчужного и золотого шитья.

Обе вышивки сотворены руками Ксении Годуновой – несчастной царевны, которую судьба предназначала для трона, но только посмеялась. Страшная судьба дочери царя Бориса, сполна заплатившей за его неумное желание властвовать. Да что там сполна – тройне!

После смерти Ивана Грозного трон унаследовал его младший сын, Федор, – человек, о котором сам его отец отзывался так:

«Постник и молчальник, быть бы ему монахом, а не царем».

И действительно, за четырнадцать лет, проведенных на троне, и даже в последние дни своей жизни царь Федор Иоаннович ни на минуту не задумался о том, что происходило в России и кто будет самодержцем после его смерти. За него думала любимая жена Ирина, урожденная Годунова. А помогал ей родной брат Борис, который фактически и правил Россией того времени.

И правил – нужно отдать ему должное – неплохо: в стране было относительно спокойно, народишко не бедствовал, враги не тревожили. Более того, после кончины Федора Иоанновича, точнее, после того как его вдова Ирина, ставшая на две недели русской царицей-самодержицей, постриглась в монастырь, Бориса как бы «выбрал» царем сам народ – случай беспрецедентный в истории страны.

О том, как народ избирал на царствие Бориса, лучше и правдивее всего написал Александр Сергеевич Пушкин. Он, правда, не знал, что задолго до этого какие-то звездочеты предсказали Годунову, что он станет царем, но царствовать будет только семь лет.

– Хотя бы семь дней, – воскликнул в ответ он, – лишь бы царствовать!

Так что все отговорки при избрании на царство были лишь ломанием и кокетством: Борис стремился надеть шапку Мономаха, как юная девица – подвенечную вуаль: любой ценой, а там видно будет. Более того, он мечтал быть основателем новой династии – Годуновых, а в этих мечтах его поддерживала супруга – родная дочь главного опричника Ивана Грозного Малюты Скуратова.

Неслыханное восхождение сироты, начавшего свою службу в качестве стряпчего при дворе Ивана Грозного, до поста правителя государства при царе Федоре Ивановиче и, наконец, властителя огромной Российской державы, обещало всему роду Годуновых блистательное будущее. Даже недруги отдавали должное Годунову, что он мог заслужить славу одного из лучших правителей мира и совершить много великих дел, если бы не помешали ему грандиозные стихийные бедствия и трагические события.

В лучших словесных портретах непредвзятых современников говорится о красоте лица, величественных манерах, неизменной приветливости и мягкости в обращении, звучном голосе и красноречии Бориса Годунова, который «цвел благолепием» и «образом своим множество людей превзошел». Среди добродетелей царя русские летописцы и бытописатели особенно отмечали постоянство в семейной жизни и привязанность к детям. Очевидно, красоту, тонкую душевную организацию и талант Ксения унаследовала от отца, так как о жене Бориса Годунова, честолюбивой дочери опричника Марии Григорьевне, таких лестных отзывов не встречается.

Напротив, именно ей чаще всего приписывали неблагоприятное влияние на мужа, в том числе, так и оставшееся неразгаданным убийство малолетнего царевича Дмитрия – младшего сына Ивана Грозного – в Угличе. Да и сам Борис, вступая на престол, окружил себя таким избытком предосторожностей, что лишь укрепил окружающих в уверенности: убийца. Хотя никто и никогда этого доказать не мог, да и появление Лжедмитрия стало косвенным оправданием царя Бориса.

Но в день его коронации, 1 сентября 1598 года, никто не предполагал, насколько трагичны для России будут последствия драмы в Угличе. А меньше всего об этом думала шестнадцатилетняя Ксения Годунова – с этого момента ставшая царевной. Ей собственное будущее рисовалось в самых радужных красках, и поводов для такого оптимизма было предостаточно.

Прежде всего Ксения Борисовна представляла собой классический образец русской красавицы тех времен. Трогательно-нежный и поэтический образ царевны запечатлен в народных песнях и произведениях литературы XVII века. Современники же в один голос превозносили прелести этой стройной, яркой брюнетки с «союзными», то есть сросшимися на переносице бровями, пышными косами, огненными глазами и «телом, словно сделанным из сливок». Последнее наблюдение, впрочем, придется оставить на совести летописцев: кто из посторонних мог видеть русскую боярышню – тем более царевну! – тех времен без неизменных пышных одеяний от шеи до пят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.